

18+

Василий СКРИПОВ

ДОРОГАМИ ПИНТУРИККИО

Василий Скрипов
Дорогами Пинтуриккио

«Издательские решения»

Скрипов В.

Дорогами Пинтуриккио / В. Скрипов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939336-4

Книга «Дорогами Пинтуриккио» включает в себя эссе разных лет, посвященные путешествиям по Италии, европейским странам и по России. В разнообразных зарисовках объединены дорожные впечатления, любовь к искусству (автор по первому образованию — художник) и личные воспоминания. Первая часть сборника посвящена Италии и ее мастерам живописи. Во второй части рассказывается о путешествиях по Европе и США. В третьем разделе «В родном краю» собраны эссе о любимых автором уголках России.

ISBN 978-5-44-939336-4

© Скрипов В.
© Издательские решения

Содержание

ПУТЕШЕСТВИЕ, КОТОРОЕ ПЕРЕВЕРНУЛО МОЮ ЖИЗНЬ	6
«ПОД МИРТАМИ ИТАЛИИ ПРЕКРАСНОЙ»	9
ДОРОГАМИ ПИНТУРИККИО	9
ВЕНЕЦИЯ: ОСТРОВА СЧАСТЬЯ	15
ВЕНЕЦИЯ: ОСТРОВА СМЕРТИ	19
ВСТРЕЧИ С ФРА АНДЖЕЛИКО	24
РАВЕННА. ВИЗАНТИЯ И ТЕОДОРИХ	28
МОНАХИНЯ ИЗ АССИЗИ	32
АРЕЦЦО. В ГОСТИ К ПЬЕРО ДЕЛЛА ФРАНЧЕСКА	35
ТОСКАНА. СВИДАНИЯ С ВИТАЛЕТТОЙ	39
РИМСКИЕ ПИСЬМА ДОМОЙ	43
ОДИНОКИЙ ТАКСИСТ ИЗ МОНТЕПУЛЬЧАНО	49
НЕАПОЛИТАНСКИЙ ДНЕВНИК	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Дорогами Пинтуриккио Василий Скрипов

*Посвящаю светлой памяти
моих родителей*

© Василий Скрипов, 2018

ISBN 978-5-4493-9336-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПУТЕШЕСТВИЕ, КОТОРОЕ ПЕРЕВЕРНУЛО МОЮ ЖИЗНЬ (вместо вступления)

*Снова тоска пространства
Птиц поднимает с Нила,
Снова над полем брезжит
Призрачный дым скитанья...*
Олег Чухонцев

Импульс для написания этой книги дала мне одна ключевая поездка в Италию, после которой появилось эссе «Дорогами Пинтуриккио». Произошло это, когда мне уже стукнуло 50 лет, в 2011 году.

И с этого момента я пропал! Меня закрутил водоворот путешествий. На склоне лет я вкусил сладость самостоятельных странствий. Как писал Пушкин: «По прихоти своей скитаться здесь и там, дивясь божественным природы красотам, и пред созданными искусствами и вдохновенья трепеща радостно в восторгах умиленья»...

Однако это не значит, что до золотого юбилея я не любил путешествовать. Напротив, с самого детства обожал поездки куда угодно – хоть на автобусе в областной центр, куда меня иногда возили из родного уральского городка родители, хоть на лодке к дальнему концу нашего огромного пруда, где начинались дремучие леса.

И тем более нравились мне вояжи на поезде через полстраны, когда учился в Павловске под Ленинградом. Каждый год по нескольку раз из Ленинграда на Урал, на каникулы и обратно. Да и внезапные вылазки во время учебы с павловскими друзьями в Таллин, Ригу, Минск, Москву, Кизи, Выборг, Новгород, каникулы в Крыму – конечно, помнятся...

Последующая жизнь в Москве и работа в редакции журнала «В едином строю» Всероссийского общества глухих дали мне возможность съездить в командировки во многие города России и ближнего зарубежья. Конечно, между командировкой и самостоятельной поездкой – большая разница. И все-таки каждый раз, приезжая в незнакомый город, испытывал ни с чем не сравнимое ощущение первооткрывателя.

А зарубежные впечатления – они пришли очень поздно, когда мне перевалило за четвертый десяток. Однако поначалу это были не вольные путешествия. То я ехал по работе вместе с коллегами или с друзьями, то по путевке с супругой в составе экскурсионных групп. В этих случаях вас от начала до конца опекает заботливый гид или руководитель делегации, вас встречают в аэропорту и отвозят куда надо, вас водят по городу и музеям за ручку. В результате вы иногда даже не замечаете, каким маршрутом ехали-ходили. Так предо мною промелькнули Хельсинки, Париж, Вашингтон, Нью-Йорк. Пока не случилась Италия...

Три магнита, которые тянут меня в путешествия – это любовь к Италии, созерцание творений искусства и смакование пейзажей.

Мое пристрастие к Италии не ново – мало кто из русских писателей и художников не попал под чары этой блаженной страны. Да и не только русских – достаточно вспомнить Стендаля и Гете, бесчисленных англичан и скандинавов, околдованных Италией. В ней есть все составляющие, влекущие меня бродить по ее дорогам, – и великие произведения искусства, которых тут такой переизбыток, что жизни не хватит, чтобы все посмотреть. И удивительное разнообразие потрясающих пейзажей, на которые я всегда был большим охотником, еще

со времен моей художественной юности. И благословенный теплый климат, словно в мифической Аркадии...

Умбрия и Тоскана – с них начались мои вольные путешествия. Далее везде по итальянскому сапогу... И я вошел во вкус, познав сладость «свободного плавания». За несколько лет исколесил десятки городов в Италии, Германии, Нидерландах, Бельгии, Франции, Австрии, Греции, Турции, Испании, Португалии, Болгарии. Не всегда в одиночку, чаще с женой. Но мы оба получали удовольствие от постоянного перемещения во времени и пространстве. От того, что могли ни от кого не зависеть, выбирая маршрут и способ передвижения, ошибаясь и участь на своих ошибках, бродя по незнакомым городам и открывая все новые жемчужины архитектуры и искусства, прихотливо меняя планы (хотя в основном все заранее рассчитывалось и взвешивалось перед поездкой).

Но то умбрийское путешествие осталось для меня самым захватывающим. С него началась моя тяга к неизведанным тропинкам и местам, к свободе скитаний, и главное – к творениям художников, которых я знал ранее в основном по репродукциям в альбомах и книгам по истории искусства.

Однако иллюстрация в книге – и живая встреча с картиной – согласитесь, две большие разницы. И вдобавок – знакомство с местами, где жил и творил художник, его современники. А еще – город и здания, сохранившиеся со средних веков и воссоздающие атмосферу того времени, виды на окружающую природу, знакомую по картинам мастера. Так возникает даже не любовь – а чувство сопричастности, внутренней связи с картинами и судьбой то одного, то другого живописца, скульптора, архитектора.

Созвучие своим ощущениям я нашел у Гете, который сказал: «Тот, кто хочет понять поэта, должен побывать в его стране», – то же самое можно сказать о художниках и их творениях, накрепко входящих в душу в окружении тех самых пейзажей, что служат фоном их картин...

В городах Умбрии сохранилось много картин и фресок Перуджино и Пинтуриккио. В истории искусства они не занимают первостепенное место, особенно Пинтуриккио, но достаточно побывать в Перудже и окрестных городах, встретиться в галереях и храмах с их живописью, чтобы ощутить симпатию к их мягкому колориту, гармонии красок и внутреннему покою произведений этих мастеров.

Позднее мне посчастливилось побывать в музеях многих стран, вбирая в себя сокровища живописи как давно любимых Рембрандта, Веласкеса, Вермеера, Брейгеля, Ван Гога, так и заново открытых Джотто, Мазаччо, Беллини, Тинторетто, Джорджоне, Фра Анджелико, отца и сына Липпи, Гирландайо, Караваджо, Тициана, Рогира ван дер Вейдена, Климта... И тем не менее я никогда не забывал умбрийских мастеров и с радостным узнаванием встречал их работы в Лувре, Брере, Ватикане, Венском музее и даже в таких маленьких галереях, как в Монтефалько, Сан-Джиминьяно или Пиенце...

А что же наши, родные российские художники? Разумеется, я их любил и знал с юности. Просто они были такими давно знакомыми, такими близкими, всегда доступными, что не казались открытием. И все же именно после итальянских фресок и мастеров Проторенессанса я новыми глазами увидел и Андрея Рублева, и Феофана Грека, и Дионисия. К тому же начал паломничество по российским монастырям и храмам, знаменитым своими фресками. Об этом – некоторые эссе в моей книге.

И наконец, я не мог обойти вниманием свою малую родину – Урал, где прошло мое детство и юность, и куда я возвращаюсь каждый год. Там мои корни, там похоронены мои родители – Тамара Васильевна и Петр Павлович, брат Анатолий, светлая им память. Жива моя старшая сестра Нина, которая дает мне пример стойкости и любви к жизни, дай ей Бог здоровья.

А на жизненном пути меня поддерживают моя жена Алла и сын Максим с невесткой Ануш. Этой книги, как и многих моих путешествий, могло бы не случиться, если бы не их деятельная любовь и присутствие в моей жизни. И душа радуется, глядя на чудесных внучек Веронику и Алису, им тоже посвящены отдельные главы книги.

С признательностью хочется поблагодарить моих друзей и коллег Ярослава Пичугина, Виктора Паленного, Виктора Карепова, Тамару Шатулу, которые помогали в подготовке книги, а также Юрия Грум-Гржимайло, давшего ряд ценных советов по изданию сборника.

Добавлю, что люблю перечитывать книги путешествий Павла Муратова, Генри Мортон, Павла Ипполитова, Петра Вайля, путевые записки Стендаля и Гете, так что их можно назвать моими спутниками и учителями.

Едва я возвращаюсь из очередного путешествия, как меня тянет в следующее. «Призрачный дым скитанья», как писал Олег Чухонцев, снова и снова брезжит передо мной и зовет «тоска пространства». Те, кто вошли во вкус странствий, поймут меня. «Путешествие – это увлекательный путь к себе», – точно заметил кто-то из писателей. Впечатления от блужданий по странам и городам лучше сохраняются благодаря фотографиям, сделанным в пути, и запискам, легшим в основу книги. Как сказал Петр Вайль, «путешествовать и молчать об этом – глупо. Более того – невозможно». Вот я и не молчу...

Надеюсь, что у меня впереди таких путешествий будет еще немало...

«ПОД МИРТАМИ ИТАЛИИ ПРЕКРАСНОЙ»

ДОРОГАМИ ПИНТУРИККИО

Честное слово, это получилось спонтанно. Отправляясь в путешествие по волшебной стране Умбрии, я не знал, что Пинтуриккио был глухим. Точнее, читал когда-то, когда еще не увлекся Италией, но со временем это знание выветрилось, как не имевшее для меня в то время большого значения.

Гораздо больше значило для меня детское воспоминание о картине Пинтуриккио, увиденной в давнем фильме «Достояние республики». Портрет мальчика в красном камзоле, с грустным и задумчивым взглядом, тонкой и изящной работы, на фоне дымчатого итальянского пейзажа, завораживал.

Действие фильма разворачивалось в России, раздираемой Гражданской войной, вокруг найденной коллекции картин, которую украшал этот портрет. И когда герой Андрея Миронова, которого бандиты заставили стрелять в эти шедевры, предпочел умереть, пытаясь спасти великие полотна, это поражало. Потрясла эта жертвенность – картины дороже, чем своя жизнь. Тогда, в детстве, это не укладывалось в голове, но запомнилось навсегда. Как и необычное имя мастера...

МАДОННА В СПЕЛЛО

Тихий маленький городок Спелло по соседству со знаменитым Ассизи. Узкие извилистые улочки, карабкающиеся на холм. Раскаленные камни и стены. Необычный памятник Святому Франциску у входа в храм. Распахнутые двери собора Санта-Мария Маджоре, пустого в полуденную сиесту. Спасительная прохлада и безлюдье.

Слева от входа – несколько фресок Пинтуриккио в нише (капелла Бальони), и пользуясь безлюдьем, я сфотографировал их. Как прочитал в путеводителе, это один из шедевров позднего периода творчества художника. 1501—1503 годы. Более 500 лет отделяло меня от того времени, но мне чудилось – я вхожу в эту картину, где на дальнем плане, сквозь причудливые арки, манят пейзажи Умбрии, те самые, что видны за стеной церкви.

Наглядевшись и наснимав досыта, огляделся. В полутемном храме слева от алтаря – дверь в часовню, над которой в рамке – снимок другой картины, очевидно, кисти того же Пинтуриккио. Увы, дверь была закрыта, ведь я пришел сюда в часы перерыва, когда все итальянцы уходят на сиесту. Спасибо еще, что сам храм оставили открытым.

Но что если попробовать? Толкаю дверь – она легко распахивается. В глубине капеллы вижу небольшой образ Мадонны, но здесь темно, и разглядеть как следует сложно. Подхожу поближе... Неожиданно вспыхивает свет, и Мадонна проступает из полумрака. Я оборачиваюсь, ожидая увидеть за спиной священника, укоряющего меня, что вошел без спроса. Но сзади – никого. Делаю шаг назад, и свет гаснет. Ага, значит, это просто фотоэлементы срабатывают. В других итальянских храмах, чтобы включить освещение шедевров, надо опустить в автомат один или два евро. Здесь бесплатно. Но рядом вижу ящичек для пожертвований, и благодарно опускаю туда монетку.

Вновь делаю шаг вперед. Лицо Мадонны озаряется светом. Стою, наслаждаясь созерцанием прекрасного лика Богоматери, совершенной живописью и уединением. Если бы я попал сюда с толпой туристов, впечатление было бы совсем иным. Бывают в жизни такие удивительные моменты, когда душа переполнена и чувствуешь Божье присутствие рядом с собой, независимо от того, в храме какой конфессии ты находишься в этот момент.

Много замечательных картин с мадоннами повидал я за свои полвека, но та, что в Спелло, по красоте, одухотворенности и нежности стала для меня в один ряд с ликами Богоматери, созданными Рафаэлем («Сикстинская мадонна») и Джованни Беллини (совершенные по чистоте образы в храмах Венеции).

УРАЛ И УМБРИЯ

Холмы Умбрии в какой-то мере напомнили мне родные уральские горы. Не потому ли мне так близки мне дымчатые пейзажи, виднеющиеся на задних планах многих картин умбрийских живописцев, особенно Перуджино и Пинтуриккио? Правда, на Урале, в отличие от Умбрии, все холмы покрыты густым лесом, и там гораздо больше рек да озер. На умбрийских холмах угнездились маленькие средневековые городки, а знаменитые итальянские реки Тибр и Клитумн, бегущие по местным долинам, в теплое время года едва различимы.

Зато какое наслаждение бродить по старинным узеньким улицам, где все дышит древностью, и заходить в храмы, где почти всегда найдется какая-нибудь жемчужина эпохи Возрождения. А то и несколько в одном храме, как мне попались в Спелло – в двух соседних базиликах нашлись неожиданно для меня фрески и Пинтуриккио, и Перуджино. Да и сами по себе средневековые городки, зачастую называемые здесь «борго», то есть деревушки, – словно жемчужины...

Есть особое наслаждение в путешествиях – вбирать в себя образ не просто какой-то отдельной картины, но в единстве с храмом, где она находится, площадью, на которой тот стоит, городом и ландшафтом, в которых органично существуют площадь с храмом и произведением в нем. Мы привыкли любоваться великими шедеврами в музеях и галереях, но если бы «Сикстинская мадонна» красовалась не в Дрезденской галерее, а в капелле Сикста в Ватикане, для которой и была написана, она бы производила еще большее впечатление.

Как, например, поразительная фреска Пьеро дела Франческа «Воскресение Христа», оставшаяся в его родном городе Сансеполькро, неотделимая от тихих улочек и площадей скромного тосканского городка, у подножия холма над долиной Тибра. Не случайно искусствоведы с удовольствием признают в этой картине на заднем плане узнаваемые приметы местного ландшафта...

И ЖЕСТОВОЕ ИМЯ...

Кто же он, этот не слишком знаменитый, но чудесно одаренный мастер Пинтуриккио? Местный он, умбрийский уроженец, родом из Перуджи. Годы жизни – 1454—1513, умер в Сиене, настоящее имя – Бернардино ди Бьетто ди Бьяджо. А Пинтуриккио – прозвище, ставшее его основным и вечным именем. Звучит красиво и музыкально, а в переводе означает всего лишь «маляришка». Пренебрежительно, но в другом варианте перевода – еще хуже – «коротышка»... А прозвали так потому, что был Бернардино, как вспоминают современники, маленьким, глуховатым, невзрачным человеком.

Отсюда и другое прозвище художника – Сордиккьо (от итальянского «сордо») – глухой). Среди итальянских мастеров в ходу были прозвища, подобно тому, как у современных глухих – жестовое имя. Под этими «кликухами» художники входили в историю живописи навсегда. Чаще всего эти прозвища были связаны с названием города, в котором художник жил. Пьетро Вануччи, признанный лидер итальянской живописи того времени, живший в столице Умбрии Перудже, знаком всем под именем Перуджино. И благодарный город назвал его именем улицу, поставил памятник на лучшей площади, откуда открывается замечательный вид на умбрийские дали. Его ученик Пинтуриккио тоже удостоен улицы (а вот памятника ему я не нашел), и их картины служат главной приманкой Национальной галереи Умбрии в Перудже. Еще один ученик Перуджино – Рафаэль часто пишется «из Урбино», по имени родного городка недалеко от Умбрии.

О личной жизни глухого художника известно не слишком много, семья не упоминается, вероятно, он прожил жизнь в одиночестве. Зато о его произведениях пишут много, и оценки знатоков противоречивы, от обвинений в поверхностности образов – до признаний в гениальности Пинтуриккио (называли его «вторым, не имеющим себе равных», после Перуджино).

Интересную характеристику творчества глухого живописца дает Александр Бенуа, историк искусства: «Ни одной драматической ноты мы не встретим у него. Все здесь праздник, все улыбка – та милая, но чуть мучительная улыбка, что застывает на губах глухих, старающихся не подать вида, что они не слышат». Довольно метко подмечено...

Единственный автопортрет Перуджино находится как раз в Спелло, в храме Санта-Мария Маджоре. Этот портрет написан на стене, под фреской «Благовещение», одной из лучших созданий Пинтуриккио, и очевидно, он сам гордился этой работой, если запечатлел здесь свой

облик как автограф. При всей безмятежности взгляд художника на автопортрете выдает затаенную печаль...

В самой Перудже находится всего одна работа Пинтуриккио – но это полиптих из восьми картин, он предназначался для алтаря в церкви Санта-Мария дель-Фосси, а ныне – в музее. Прекрасен центральный образ Богородицы с младенцем, но меня более всего привлекли две миниатюры в нижних углах алтаря. На них Святой Августин и Святой Иероним изображены на фоне чудесных умбрийских холмов с городами и выходящими змейками дорог.

Не случайно ли так одухотворен и манящ пейзаж на картинах Пинтуриккио? Не был ли ему ландшафт более близок и понятен, чем люди, окружавшие его? Ведь глухого художника называют одним из лучших тогдашних мастеров пейзажа, а Бенуа пишет, что «В истории пейзажа Пинтуриккио мог бы занимать первенствующее место, как автор первых «чистых пейзажей» в Италии, если бы эти пейзажи, украшавшие залы Ватиканского Бельведера, дошли до нас». Однако «чистые пейзажи» мало кто ценит и понимает...

ПО СЛЕДАМ МАСТЕРА

Долина Умбрии – словно огромная чаша, по краям которой на возвышенностях лепятся городки, и из каждого из них можно в ясную погоду любоваться тем, что видишь на противоположном краю чаши. Но прозрачный воздух бывает здесь редко, испарения со дна долины заволакивают пространство дымкой даже в ясный день, и кампаниллы вдалеке зыблются сквозь марево, еле угадываясь...

Сполето. Римские развалины, античный театр, домик матери императора Веспасиана. Узкие улочки, ведущие в гору к мощной, но невыразительной крепости Рокка Альборциона, которая властвует над городом и долиной. Чуть ниже ее примостился величественный собор Санта Мария Ассунта, который прославил своими фресками монах-живописец Фра Филиппо Липпи (здесь же он и похоронен). Но для меня не меньший интерес представляла и единственная здесь фреска Пинтуриккио (1497 год). К сожалению, она плохо сохранилась, краски во многих местах осыпались, обнажив штукатурку. Но главное – центральный образ Мадонны с младенцем и ландшафт с озером и башнями неведомого города (возможно, как раз Сполето) – сохранились хорошо. И глядя на еще один шедевр глухого мастера, думаешь, что эта просветленность и очарование, запечатленное им в лике Богородицы на этой и многих других работах, осеняла и спасала его одинокую жизнь.

Одно из лучших мест в Умбрии – дорога, поднимающаяся к Монтефалько. Не случайно в переводе это название означает «Соколиная гора».

Хотя в этом маленьком «гнезде» есть уникальная картинная галерея местных живописцев, я не нашел в ней работ Пинтуриккио. Но красота здешних мест так захватила меня, что я не выдержал и сошел с автобуса на обратном пути, чтобы своими ногами пройти дорогами умбрийских художников. Ведь очевидно, что и глухой мастер, и Перуджино не раз шагали по этим пыльным полям и тропинкам, пробираясь между виноградников, высоких дубов и оливковых рощ. Потому что при всем обилии городов Умбрии и разнообразии ландшафтов – она совсем небольшая по размерам – гораздо меньше Московской области, не говоря уж об Урале.

Проезжающие автомобилисты недоуменно оглядывались на одинокого путника, который брел вдоль шоссе, то уходя в виноградники, то замирая перед заброшенной фермой на отшибе. Завидев крестьян, собирающих виноград, я осторожно подошел к ним и спросил разрешения сфотографировать их. Ответом стали широкие улыбки и приглашающий жест. А на прощание труженики Умбрии подарили мне увесистую гроздь черных ягод. Между прочим, местное вино Монтефалько Сагрантино известно как одно из самых-самых в Италии...

СИЕНСКИЙ ЦИКЛ

От Умбрии до Тосканы рукой подать – они ведь соседи, и от Перуджи до Сиены можно доехать на машине за час-полтора, и среди туристов Тоскана гораздо более известна и посещаемая, но лично мне умбрийские города и ландшафты кажутся душевнее.

Впрочем, когда останавливаешься перед собором Сиены, все сравнения забываются. Этот храм – чудо, и его можно разглядывать бесконечно как снаружи, так и внутри.

Впервые я попал сюда несколько лет назад с поспешной экскурсией из Флоренции, и меня страшно возмутило, что гид, проведя нас по Сиене, так и не дал возможности хоть на десять минут заглянуть в собор. Только прошли мимо его сахарных стен, разглядывая прихотливый каменный узор статуй и арок. Но теперь, приехав сюда снова и спокойно рассмотрев все сокровища собора, его музея и баптистерия, понимаю, что мимоходом сюда заходить – смертный грех.

Даже пол собора особенный – на нем нанесены десятки мозаичных рисунков разных мастеров (среди них есть и по эскизу Пинтуриккио), черными вкраплениями по белому мрамору, так что весь пол – словно огромная гравюра или рисунок тушью на бумаге. Но это дано увидеть немногим – для сохранения мозаик они закрыты тканями, и только несколько дней в году их открывают для обозрения...

Однако мое внимание приковали не только мозаики, скульптуры Микеланджело, великолепная Маэста, исполненная сладостным Дуччо, а вновь Пинтуриккио.

В соборе есть библиотека Пикколомини (был такой Папа Пий II, который правил в Риме всего 27 дней), и после его смерти племянник, архивариус в Сиене, решил прославить жизнь дяди, заказав цикл росписей в библиотеке. Выбор пал на Пинтуриккио, в то время одного из самых востребованных в Италии живописцев. Он брался за многие заказы, и как пишет Вазари, «быстро заканчивал работы, выполняя их, может быть, и хуже, чем тот, кто работает обдуманно и не спеша».

Не спорю, стиль Бернардиньо можно назвать поверхностным и декоративным, тем не менее, сиенские росписи вошли в историю культуры Возрождения как один из самых лучших фресковых циклов. Впрочем, что нам историки и искусствоведы? Ведь самое главное – личное впечатление? Так я разглядывал эти фрески едва ли не больше, чем весь остальной собор. В них есть и искусно выстроенные многофигурные сцены, и удивительные лица современников художника, и пейзажи в легкой умбрийской дымке, зовущие вдаль (даже в Тоскане умбриец остался верен своей малой родине). И даже Вазари, который явно недолюбливал Пинтуриккио (может, завидовал, ведь они жили в одно время, и заказов Вазари перепадало мало), признавал, что тот превосходно умеет рассказывать истории в своих картинах.

СВЕТ НЕЗАКАТНЫЙ

Да, немало заказов выполнил Бернардиньо, и особенно много фресок он написал в Риме. Если в Сикстинской капелле Ватикана на прославленных фресках Перуджино еще не стоит его подпись, то это понятно – он был еще малоизвестным помощником своего учителя. Зато позже, когда слава Пинтуриккио превзошла сияние Перуджино, папа Александр IV Борджиа именно его выбрал для росписи своих апартаментов. Вот тут глухой мастер работал уже со своими учениками (1493—1494 годы), и оставил после себя такие шедевры как «Благовещение», чем-то напоминающее одноименную работу в Спелло.

Широко известны также его работы в римском храме Санта-Мария дель Пополо, созданные им в 1503 году. Но, пожалуй, самая проникновенная и теплая работа Пинтуриккио – небольшая Мадонна с младенцем, хранящаяся в Пинакотеке Ватикана. А тот самый «Портрет мальчика», о котором я писал вначале, уехал далеко от Умбрии: он хранится в Дрезденской галерее...

Закат в Сиене надо смотреть на колокольне кафедрального собора, точнее, на его недо-
строенной стене. С высоты этот удивительно сохранивший средневековый дух старинный
город смотрится как на ладони. Прямо внизу под вами – круглая площадь Кампо, где прово-
дятся знаменитые Палио – конные скачки, где соревнуются все контрады городской общины.

Совсем недалеко – руку протянуть – городские стены обрываются, и начинаются плав-
ные линии холмов Тосканы и аллеи кипарисов. То тут, то там видны строения ферм или вилл.
Последние лучи солнца озаряют выпуклости земли, верхушки деревьев, и вот все скрывается
в тени. Только огромная башня Торре дель Манджа еще ловит солнечный свет, посылая отра-
жение созерцателю. Так и искусство Пинтуриккио, ушедшего во тьму веков, посылает нам
сквозь все времена вечный незакатный свет...

ВЕНЕЦИЯ: ОСТРОВА СЧАСТЬЯ

Первая встреча с Венецией – это как первая любовь. Потому и ехать в Серениссиму надо не в одиночку, а с любимым человеком. Впрочем, это прописная истина...

Это путешествие стало для нас с женой фейерверком счастья, карнавала, масок, солнца... Поездка оказалась двойным праздником – мне незадолго до этого стукнул полтинник, а для того, чтобы угодить супруге, я подгадал вояж в Венецию на 8 марта (куда же без романтики на таком романтическом острове). И так удачно вышло, что эти пять дней совпали с окончанием знаменитого венецианского карнавала.

Уже сама дорога в Венецию врезалась в память своей необычностью. Мы прилетели в Римини (сэкономили на билетах), затем электричкой (с пересадкой) поехали на остров. Пересадка была в Болонье, но поскольку дело происходило в субботу, поезд оказался переполнен. Все хотели попасть на карнавал. Мы с трудом нашли места в уголке вагона. Электричка оставалась на каждом полустанке, и вскоре все проходы и тамбуры оказались забиты местным людом и туристами. На следующих остановках прибывали новые толпы, и все каким-то образом утрамбовывались, благодаря кондукторам, которые с платформы командовали потесниться тем, кто стоял внутри вагона. Такую давку в электричке мне доводилось видеть прежде только однажды – в советские времена на поезде Симферополь – Бахчисарай.

И все же не всем удавалось попасть внутрь вагонов. Помню оставшуюся на платформе рыдающую девочку в карнавальной платице, которую утешали родители. Надеюсь, она все же доехала в этот день до Венеции.

И вот вокзал Санта Лючия. Выходим с толпой на улицу и перед глазами – ослепительное солнце, блеск солнечных зайчиков на канале и впечатляющий купол храма Сан-Симеоне Пикколо – прямо напротив вокзала. И тут же, у лестницы, повсюду торговцы предлагают наряды и маски, визажисты-мейкаперы раскрашивают лица всех желающих, в основном детям. Карнавальный шабаш в самом разгаре!

Но дальше, дальше, скорее купить билет на вапоретто и плыть на Гранд-канал, на Пьяццу Сан-Марко, в гущу карнавала! Катер несет нас по легендарным венецианским артериям, а я, позабыв про все на свете, ловлю в объектив этот волшебный блеск на волнах, эту игру света на старинных палатках и храмах, эти бесчисленные кораблики и гондолы, эти таинственные закоулки, открывающиеся на миг по бокам главного пути, где виднеются узенькие каналы со своими соблазнами и дворцами...

Как нельзя кстати тут подходят венецианские строки Александра Кушнера:

Опускаю детали, как мы забросили вещи в свой отель. Главное, что мы вскоре были на Пьяцце Сан-Марко, когда солнышко еще не зашло. И на каждом шагу нам улыбались своими застывшими гримасами маски, маски, маски... И каждый раз я хватался, словно за пистолет, за фотокамеру. И сейчас, спустя пять лет, многие из них помнятся благодаря кадрам, словно живые...

Больше всего запала в память незнакомка в «таинственной холодной полумаске», в сиянии парчового платья, прошедшая мимо нас на Набережной Неисцелимых, когда низкое солнце обрисовывало ее силуэт контровым светом, и от этого вокруг ее головы возник золотой ореол. Конечно, мне вспомнилась блоковская Незнакомка...

А разве менее впечатляюща была дама в черном роскошном наряде, увенчанная огромной шляпой с перьями, с лукавыми глазками, стреляющими из прорезей маски, позирующая на маленьком мосту где-то в Каннареджо, на фоне еще одной падающей колокольни? «И шляпа с траурными перьями, и в кольцах узкая рука...»

Ну конечно, их было много, прекрасных и пленительных незнакомок, влекущих тем сильнее, чем таинственнее были их маски (надеюсь, что моя супруга не заметила этой моей заинтересованности). Впрочем, и таинственных рыцарей здесь хватало, одного из них, в костюме средневекового венецианского дожа и в маске с огромным кривым носом-клювом, я снял рядом с Аллой, весьма этим довольной.

Но пожалуй, еще больше восхищали дети, в карнавальных нарядах и головных уборах, но без масок, со своей детской непосредственностью восторженно глядящие на праздничные толпы, на сказочные декорации по берегам Большого канала. Эти курносые и горбоносые, смуглые и светлокожие, рыжие и чернявые, мальчишки и девчонки казались мне воплощением своего собственного детства, когда из книг мне открывались неведомые земли и моря, когда встречавшаяся в приключенческих романах Венеция казалась выдуманной, мифической страной, словно из сказок 1001 ночи, и представлялось немыслимым, что эта фантазмагория когда-нибудь станет явью, и я пройду воочию по ее берегам, по краешку мечты...

Самое большое счастье в Венеции – все же не карнавал и маски. Самое сладкое – брести вместе с любимым человеком куда глаза глядят под ласковым весенним солнышком, наслаждаясь отсутствием толп и без четкой цели – куда-то туда, куда манят повороты калле и каналов, к ближайшей колокольне и туда, где меньше народу...

Так получилось у нас спонтанно на следующий день, после того, как мы насладились венецианской живописью в Галерее Академии, и пошли прочь от центра, по району Дорсодуро,

по берегам водных артерий, поворачивая направо и налево, счастливо заблудившись в улочках и переулочках. Но разве заблудишься в Венеции? Вскоре мы вышли к храму Сан-Себастьяно, расписанному Веронезе, в котором тот и похоронен... Тут и фрески, и картины на холсте, вделанные в резной потолок церкви, и скромная гробница веронского гения...

А дальше, выйдя из храма Веронезе, мы повернули к набережной Дзаттере, и не успев удивиться, оказались на Кампо Сан-Базилио. Вот так сюрприз! Алла с лукавой усмешкой покосилась на меня. Впереди, за каналом, лежал остров Джудекка, а направо, за проволочной оградой, высился грузовой терминал с надписью «Сан-Базилио», и перед ним стоял памятник композитору – нет, не Базилио, а Вивальди – трио бронзовых музыкантов, вдохновенно играющих на скрипках...

Веронезе, Тициан, Тинторетто, Джорджоне, Джованни Беллини, Карпаччо... Каждый из них оставил в Венеции свой след, и не один – в храмах, музеях, галереях. А некоторые церкви и здания стали персональными памятниками кому-то из этих художников. Так вот, счастье блуждания по Венеции вдвойне увеличивалось поиском живописных сокровищ – от храма к храму.

О Веронезе и церкви, ставшей его мавзолеем, я уже упоминал. Памятником Тициану можно назвать базилику Фрари, где возносится к небесам неповторимая Ассунта, и есть еще один шедевр великого маэстро цвета.

Тинторетто обессмертил свое имя Скуолой Сан-Рокко, покрыв стены двух этажей сюжетами на любой вкус, хотя и не всегда лучшего качества. Но в первую очередь для меня символ этого здания и всего творчества Тинторетто – фантастически динамичное, неистовое «Распятие». И есть еще один храм великого венецианца – церковь Мадонна Дель Орто в Каннареджо, где Тинторетто похоронен, и в котором еще несколько шедевров необычайно плодovitого, не всегда ровного, но, несомненно, гениального мастера.

А Джованни Беллини стал после Венеции одним из самых любимых для меня художников. Его потусторонние задумчивые мадонны, словно ушедшие в иное измерение, запали в мою душу накрепко. Они встречались нам во многих венецианских храмах (в том числе и в той же Фрари – прелестная «Мадонна Пезаро»), и в галерее Академии. Но самое совершенное, на мой взгляд, его произведение здесь в храме Сан-Дзаккария – алтарный образ, на котором у подножия трона с Богородицей и младенцем запечатлены святые и музицирующий ангел.

Однако еще более, чем сокровенные мадонны, тронула меня картина Беллини другого рода – «Пьета» во Дворце Дожей. Иисус распластан на коленях матери, кажущейся почти старухой, чей лик – некрасивый, полустертый, соединяет в себе и опустошение, и примирение с судьбой. А за ними – сумрачный итальянский пейзаж с горами и городами, охристо-коричневый, но дороги, вьющиеся вдаль, в глубь картины, оставляют надежду, что все это – только начало пути...

Позже мне говорили друзья, что такой солнечной и промывтой, как у меня на фотографиях, Венеция редко где встречается, не похожа на себя, кажется непривычной, ведь чаще Серениссима дождлива и туманна. Не берусь судить об этом, но с погодой нам действительно повезло, для марта было очень тепло и сухо (хотя смешно говорить о сухости, бродя по морским набережным). Только однажды нахлынул утром туман с севера, и я, оставив спящую жену в отеле, бегал по малолюдным в ранний час каналам, ловя классические венецианские виды в объектив фотокамеры.

А в остальные дни – сплошной поток солнечных лучей.

Помнится, как в один из последних дней мы, сев в вапоретто, пересекли Гранд Канал и высадились у Сан-Джорджо Маджоре, идеального шедевра Палладио, так величественно выглядящего с Пьяцца Сан-Марко, и поднялись на его высоченную колокольню, чтобы огля-

деть весь этот город – тонущий шедевр со шпилями и куполами, распластавшийся перед нами, словно всплывшая рыба.

И надо же было так совпасть, именно в этот момент через канал прошествовал гигантский круизный лайнер, с двумя десятками палуб, белоснежный и сверкающий, загородив нам всю панораму, поскольку верхние палубы оказались вровень с нашей площадкой на колокольне. И тут я поневоле вспомнил похожие мотивы в книгах Павла Муратова и Александра Степанова. Летейские воды...

Взглянув налево, можно было мысленно улететь на восток – туда, где нас ждал дом, а совсем рядом, под носом, чуть наискосок и немного ниже колокольни, блеснул на закате купол Иль-Риденторе – еще одного творения Палладио, возведенного в честь избавления Венеции от чумы в XVI веке. И статуя Спасителя, венчающая купол храма, неизбежно стоящая на его верхушке, казалось, поворачивала к нам свое мраморное лицо...

Корабль прошел, и пред нами вновь открылись во всем своем залитом солнцем великолепии острова счастья. И базилика Сан-Марко с ее византийскими мозаиками и трофейными бронзовыми конями. И кампанилла, которую пришлось после обрушения возводить заново. И символ Венеции – крылатый лев, сиротливо ютящийся на верху колонны. И бесчисленные палаццо с храмами, покосившиеся колокольни, все еще цепляющиеся за свайные фундаменты... Вновь вспоминаются стихи, на этот раз – Иосифа Бродского:

*Знаешь, лучшая в мире дорога
Это может быть, скользкая та,
Что к чертогу ведет от чертога,
Под которыми плещет вода
И торчат деревянные сваи,
И на привязи, черные, в ряд
Катафалкоподобные стаи
Так нарядно и празднично стоят...*

*Шпили, колонны, резьба, лепнина
арок, мостов и дворцов; взгляни на-
верх: увидишь улыбку льва
на охваченной ветром, как платьем, башне,
несокрушимой, как злак вне пашины,
с поясом времени вместо рва.*

ВЕНЕЦИЯ: ОСТРОВА СМЕРТИ

Из пяти дней, проведённых в Венеции, этот длинный, солнечный, но пронизанный духом смерти день, вспоминается чаще всего.

Потому ли, что он был посвящен поездке на остров Сан-Микеле, на могилу Иосифа Бродского, обретшего здесь покой вместо Васильевского острова?

Потому ли, что по пути туда и далее, на затерянный и опустелый остров Торчелло, нам попадалось так много потусторонних примет?

Потому ли, что вечером, бредя по краю мрачного, еле освещенного канала в Дорсодуро, я узнал по мобильнику о смерти одного из старых питерских друзей?

А утром, когда мы с женой вышли из своего отеля на Кампо Санта-Марина, так ласково светило мартовское солнышко, так нежно сияли мраморные стены изящной церквушки Санта-Мария Мираколи, в которую мы заглянули по пути. Каменная шкатулка – так ее называют в путеводителях. Маленькая икона с Богородицей. Византийские мотивы. Любящий взгляд мадонны, направленный на свое дитя.

Канал, еще канал. Мостик, еще мостик. И вот перед нами внушительный готический фасад Сан-Дзаниполо. То есть это укороченное название храма Санти-Джованни-э-Паоло. Не совсем по пути к причалу нужного нам маршрута вапоретто, но пропустить такую жемчужину (собор ордена доминиканцев построен в XIII веке) никак нельзя. Здесь похоронены десятки венецианских дождей, и у каждого – громадные мраморные гробницы, с шедеврами скульптуры. Но для меня главное – что тут есть фрески Веронезе и полиптих Джованни Беллини.

И тут вижу, как на борту одного из корабликов, пришвартованных у берега канала, огромный баклан клюет кровавые останки своего собрата. Сам ли он прикончил птицу, или просто прилетел на тризну, неизвестно. Удары клювом сильные, методичные, безжалостные. Как у дятла. Потом баклан подхватывает кусок мяса и деловито заглывает...

Входим в храм Дзаниполо. Однако внутри служитель преграждает нам вход – идет отпевание. В проходе стоит гроб, на скамьях несколько десятков людей, одетых в траур. Еще одна смерть. Гуляя по Венеции, мы часто замечали на стенах зданий приклеенные скромные листочки с портретами старых людей и датами прощания, с указанием храма, где состоится заупокойная служба.

Значит, нам не удастся посмотреть на фрески. Пока изучаем гробницу дожа Пьетро Мочениго, которую создал скульптор Пьетро Ломбардо. Она примечательна тем, что дож не лежит на саркофаге, как на других памятниках в этом храме, а стоит словно живой, в окружении пажей и оруженосцев (до избрания дожем Пьетро был командующим венецианским флотом). На одном из барельефов изображен эпизод передачи кипрской Фамагусты под власть Венеции – это было при его правлении в 1475 году...

Тут же, в Дзаниполо, есть скромный памятник Маркантонио Брагадину. Он не был дожем, но возглавлял героическую оборону Фамагусты в 1571 году, когда сотысячная турецкая армия почти год не могла взять крепость. И только после того, как венецианцев осталось в живых совсем немного, Брагадин выкинул белый флаг. Но турецкий султан, приняв капитуляцию, подло обезглавил офицеров, а с Брагадина заживо содрали кожу...

Вскоре панихида кончается, и туристов пускают к капеллам, где Веронезе и Беллини. Картины Веронезе размещены на потолке Капеллы Четок. Тусклое освещение не позволяет насладиться подробностями, но впечатляет самая большая – «Вознесение Марии», где художник лихо закрутил сложную пространственную перспективу. У меня создается полное впечатление, что это прямо надо мной распахивается небесный свод, где в вышине ангелы уносят Марию в горние выси... Кстати, изначально в этой капелле были другие произведения – Тинторетто, Пальмы Младшего, Бассано, Беллини и Тициана, но в 1867 году все они были уничтожены пожаром. Какая потеря для искусства! Поэтому после ремонта сюда перенесли картины Веронезе из другой церкви...

А полиптих Беллини в правом нефе собора знакомит со святым Винсентом Феррером, которого почитают монахи-доминиканцы, он прославился в XV веке своими непримиримыми проповедями в Испании и Франции. Из девяти частей полиптиха самые интересные – три нижних картины – маленькие, но заполненные десятками фигур людей, перед которыми Винсент читал проповеди.

Теперь можно и дальше, к причалу вапоретто. А на площади у храма скопилась небольшая толпа провожающих покойника в последний путь. У берега канала качается траурный катер. Мы идем прочь, вдоль канала, и через несколько минут нас обгоняет этот плавающий катафалк, на нем только два человека и гроб. Неужели никто не сопровождает усопшего?

Вот он, остров Сан-Микеле, совсем недалеко от набережной, где мы ждем вапоретто, в нескольких сотнях метров. Чайки кружат на фоне длинных стен кладбища. Приближается купол кладбищенского храма, мы выходим с корабля на берег. Путь до могилы Бродского долг и извилист, даром что остров небольшой.

«...Ни страны, ни погоста не хочу выбирать, На Васильевский остров я приду умирать...» А на деле Иосиф так и не вернулся на Васильевский, да и место погребения выбрала его вдова Мария. Что ж, вполне логично, учитывая любовь поэта к Венеции, которая заменила ему родной град Петра. А погост на Сан-Микеле как раз напоминает строки из другого его стихотворения:

Шляпа на могильной стеле. Необычно и забавно. Снять шляпу перед великим поэтом? Или это он сам снял шляпу перед тем, как прилечь отдохнуть? Несколько букетов цветов на могиле, записная книжка. Можно представить, что по ночам тень Иосифа выходит на воздух, надевает шляпу, берет блокнот и бродит по кладбищу, поглядывая на силуэты венецианских колоколен и куполов. И записывает новые стихи? Поэтому я положил на могилу блокнот и авторучку. Где-то прочитал, что есть такая традиция...

Для меня поэзия Бродского стала во времена перестройки ошеломляющим открытием. Многие его стихи сразу накрепко засели в памяти и не забываются до сих пор, особенно написанные им в молодости и вскоре после отъезда из Советского Союза. Его горькая, мелодичная интонация, многослойность, связь с античностью и отсылки к Державину, Донну, мировая всеохватность производят неизгладимое впечатление. И часто в тех или иных ситуациях мне приходят на ум те или иные строчки Бродского.

После Сан-Микеле мы отправились на остров Торчелло. Это самый дальний и самый древний остров Венецианского архипелага. Здесь начиналась Венеция, когда другие острова еще не были заселены – в V – VI веках. Нашествие гуннов заставило обитателей материка искать укрытия на пустынных островах лагуны.

Сейчас Торчелло – вновь, как и до заселения, пустынный и мертвый остров. Заросший травой и кустарником плоский кусок земли, ныне на нем остались только старинный собор Санта-Мария Ассунта, чья история ведет начало с 639 года. Небольшая церковь Санта-Фоска XI века, да пара маленьких ресторанчиков по пути к причалу – для тех редких туристов, что добираются сюда.

Прямо под открытым небом у собора – каменный трон Атиллы – такой же простой, грубый и неотесанный, каким был, видимо, и вождь гуннов. В середине V века его войско razорило местные поселения. Но Торчелло опустел не из-за Атиллы, а потому что позже островитяне предпочитали селиться на центральных островах лагуны. Плюс болотная сырость и малярия выкосили местное население.

Но собор с высокой колокольней остался как свидетельство богатого города с дворцами и многотысячным населением. Внутри сияют золотом чудные византийские мозаики XII века – простые, в наивном стиле ранних икон, лики Христа и апостолов, пестрые орнаментальные одеяния на носатых ангелах, строгий лик Богородицы...

От Торчелло до Венеции плыть неблизко – около часа. Солнце садилось как раз над силуэтами венецианских храмов и палаццо, вода казалась золотой от закатного света, легкое марево уходящего теплого дня струилось над водой. Армия деревянных свай, напоминающая частокол в подмосковной деревушке, тянулась между нашим катером и блистательной Серениссимой, к которой мы приближались.

Это солнце, золото, купола на горизонте, впечатления длинного дня навевали мысли о бессмертии. Смертны люди, поэты, храмы, города, но остается все то же море, солнце, закаты и восходы... И тут завибрировал мобильный телефон в кармане куртки. На экране проступили буквы смс-сообщения: «Валерий умер вчера, похороны завтра...»

Солнце вскоре зашло, и к набережной Каstellо мы причалили в полутьме. Пока шли к Сан-Марко, совсем стемнело, и редкие фонари едва освещали черную воду каналов. Я вспоминал Валеру, большую часть своей жизни прожившего в Ленинграде-Петербурге, но никогда не бывавшего не только в Венеции, но и вообще за границей.

Набережная Неисцелимых – так можно было бы назвать его Заневскую сторону, на одном из проспектов которой он жил. Ведь из-за болезни последние годы жизни Валера совсем не выходил из дома. Заядлый книголюб, умный и ироничный, блестящий шахматист, он тихо угасал в четырех стенах своей комнаты общежития. Когда я навещал его во время редких при-

ездов в Питер, он говорил: «Жить мне осталось недолго», но я не принимал это всерьез, мне казалось, что от болезни суставов не умирают. Тем более что его супруга, благодаря заботам которой он держался за жизнь, оставалась неизменно оптимистичной и доброжелательной. Ее можно было назвать ангелом-хранителем Валеры. Лариса успевала и трудиться на двух работах в типографии, и вести хозяйство – готовила для мужа и следила за порядком в комнате, где помимо их, обитали еще старший брат Валерия и две кошки.

Когда жена с братом уходили на работу, Валера оставался один. Впрочем, не совсем так. Тот, кто с детства привык бродить по книжным мирам, не бывает одиноким и всегда внутри свободен. А еще у него был молчаливый партнер по шахматам – компьютер, с которым Валера разыгрывал бесконечные комбинации. В шахматах он был дока, в молодости легко обыгрывал и меня, и других ребят из ЛВЦ, участвовал в соревнованиях, получил то ли второй, то ли первый разряд.

Грустный взгляд умных черных глаз – таким Валерка мне помнится. Когда я увидел в мадридском Прадо картину Веласкеса «Шут Себастьян де Морра», то поразился сходству королевского шута с моим другом – та же глубокая затаенная печаль в глазах, та же лепка носа и лица, тот же мудрый взгляд познавшего боль и утраты человека.

Кто знает, кем был Валерий в прошлой жизни, и кем будет в последующей...

Венецианские закоулки по вечерам освещаются не слишком ярко, и чем дальше от туристских троп, тем более скудно там со светом. Так что когда мы брели за мостом Риальто по берегам маленького канала Рио делла Фава, вода в нем казалась непроглядной черной дырой, и только одинокий тусклый фонарь качался на ветру у поворота, рассыпая блики по летейским водам.

Свернув на Калле деи Парадизо, мы спугнули крысу, которая темным силуэтом проскользнула прочь, в зловещую черноту венецианских теней, царящих в этом потустороннем городе на воде, словно на берегах Стикса. И сами собой всплыли в памяти строчки Бродского из стихотворения «На смерть друга»:

*Когда умру, пускай меня сюда
Перенесут. Я никому вреда
Не принесу, в песке прибрежном лежа.
Объятий ласковых, тугих клеишей
Равно бежавшему,
Не отыскать нежней,
Застыраннее и безгрешней ложа...*

*Пусть меня отпоет
хор воды и небес, и гранит
пусть обнимет меня,
пусть поглотит,
мой шаг вспоминая,
пусть меня отпоет,
пусть меня, беглеца, осенит
белой ночью твоя
неподвижная слава земная.*

...Может, лучшей и нету на свете калитки в ничто.

*Человек мостовой, ты сказал бы, что лучшей не надо,
Вниз по темной реке уплывая в бесцветном пальто,
Чьи застежки одни и спасали тебя от распада.
Тщетно драхму во рту твоём ищет угрюмый Харон,
тщетно некто трубит наверху в свою дудку
протяжно.*

*Посылаю тебе безымянный прощальный поклон
с берегов неизвестно каких. Да тебе и неважно.*

ВСТРЕЧИ С ФРА АНДЖЕЛИКО

Есть в Риме необычный храм, куда я захожу почти каждый раз, когда бываю в Вечном городе. Санта-Мария-сопра-Минерва. Он рядом с Пантеоном, у обелиска со слоном, созданным Бернини.

В этой церкви похоронен живописец Фра Анджелико. На каменной плите с профилем мастера выбита эпитафия: «Здесь покоится достопочтенный художник Фра Джованни из Ордена проповедников. Пусть хвалою мне будет не то, что казался я вторым Апеллесом, но что все, чем владею, отдал Тебе, о Христос. Иные творения живы на земле, другие на небе. Город Флоренция, Этрурии цвет, дал мне, Джованни, рождение».

Он действительно отдал жизнь и талант служению Христу – Фра Анджелико был одним из тех редких художников, которые совместили искусство и служение Господу. У меня с его именем связано несколько незабываемых впечатлений в итальянских путешествиях.

Вспоминаю монастырь Сан-Марко во Флоренции. Я ходил по кельям этой монашеской обители, в каждой из которых на стене осталась фреска, написанная Фра Беато Анджелико или его учениками. Более сорока келий и фресок. И от них зрителю передается ангельское просветление и искренняя вера, с которой их писал художник. Каждая картина – словно приглашение к частной, уединенной молитве, одинокому созерцанию, разговору с Богом.

Самая совершенная и трогательная – «Благовещение». И самая известная из работ Анджелико. Входишь на второй этаж, где размещаются кельи монастыря – и сразу с лестницы она встречает вас – прямо на стене напротив входа. Архангел с радужными крыльями, при-

летевший с благою вестью, и Мария, испуганно-смиренно встречающая посланца. Еще одна версия «Благовещения» – внутри одной из келий дальше по коридору. Там более сдержанный колорит, и действие происходит в замкнутом пространстве сводчатой комнаты, похожей на монастырскую. Кроме Марии и архангела, присутствует еще одно лицо – доминиканский монах. Не себя ли изобразил художник?

На первом этаже – небольшая картинная галерея, где еще несколько работ Фра Анджелико (не фрески, а алтарные образы и иконы). Благоговение вызывает Табернакль Линайоли, где Мадонна с младенцем сияют неземной прелестью на золотом фоне. Знаменитый полиптих «Снятие с креста», где на дальнем плане прорисованы нежные тосканские холмы, а с левой стороны – городские здания, напоминающие Флоренцию. Именно здесь художник единственный раз изобразил себя – в образе грустного бородатого монаха, помогающего снимать тело Христа. Но это только предположение искусствоведов, хотя оно и не лишено оснований...

В одном из залов – огромная многофигурная фреска «Распятие», которую можно разглядывать очень долго – так сосредоточены и погружены в свои думы святые и апостолы вокруг распятия.

Трудно забыть этот монастырь, эти простые, немного наивные, но исполненные с глубокой внутренней силой, фрески и картины. Это памятник на все времена, который создал один художник. И создал не для своей славы, а во имя Господа. Как писал Николай Гумилев в стихотворении, посвященном Фра Анджелико:

Ангельский брат. Так переводится церковное прозвище Фра Анджелико, с добавкой Беато (Блаженный). Его настоящее имя – Гвидо ди Пьетро, он родился в Муджелло, недалеко от Флоренции, около 1400 года. В 18 лет стал монахом в монастыре во Фьезоле и получил монашеское имя Джованни да Фьезоле. Юноша выполнял иллюстрации для церковных книг, и ему разрешали брать заказы для алтарей. Одним из первых стал алтарь для церкви Сан-Доменико во Фьезоле (1428), где он и начал свое послушание. Интересно, что потом, на склоне лет, он вновь вернулся в родной монастырь во Фьезоле – уже в качестве настоятеля...

Один из важнейших заказов у брата Джованни был связан с городом Кортоне, где он жил и работал несколько лет в молодые годы.

Хотя мне довелось бывать в Кортоне незадолго до знакомства с фресками в Сан-Марко, но местная картина Фра Анджелико хорошо запомнилась. Это вновь «Благовещение» – одна из нескольких вариаций, вероятно, самая первая у этого художника, потому что датирована 1430 годом. Она находится в городском художественном музее.

Кортоне – небольшой город на вершине крутого холма рядом с Ареццо. Высота около 500 метров над уровнем моря, но фишка в том, что и Ареццо, и окружающая местность находятся на равнине, потому так эффектно и царственно расположение Кортоне. Железнодорожная станция – внизу, и от нее до центра городка несколько километров ехать на автобусе.

Маленький город, но собственная гордость есть – не только художественный музей, но и музей Академии этрусков. Плюс несколько монастырей и крепость Медичи на самом верху, откуда открываются захватывающие дух панорамы. Здесь родились известные живописцы Возрождения Лука Синьорелли и Пьетро ди Кортоне. Естественно, их картины тоже имеются в местном музее.

В Кортоне «Благовещение» Фра Анджелико похоже по композиции на флорентийский вариант, однако более интересно по цветовой палитре и по выразительности. Здесь мы видим, что архангел, обращающийся к Марии, изображен в позе более требовательной и решительной. Его указательный палец левой руки находится у губ, призывая к тишине и тайне, а другой рукой он указывает на Марию. Роскошные, переливающиеся красками крылья не умещаются

в аркадах, где сидит удивленная Мария. Над ними – сияющий золотой голубь – символ Святого Духа. В углу картины, в глубине сада – маленькая сцена, где Адам и Ева изгоняются из Рая. Интересно, что в других вариантах у Фра Анджелико Адам с Евой отсутствуют, и похоже, к лучшему – не отвлекают внимание от главного на картине.

Оказалось, в церкви Джезу в той же Кортоне есть еще один вариант Благовещения – более аскетичный по цвету и композиции, похожий на ту сцену, что в монастыре Сан-Марко, где добавлен монах-доминиканец. Здесь ангел уже ничего не требует от Марии, а смиренно ждет ее решения, да и сама она олицетворяет раздумье и сосредоточенность, словно уже предвидит внутренним взором, все, что случится на ее веку – и рождение Иисуса, и его крестные муки, и воскрешение...

Солнце заходило над равниной на западе, в той стороне, где была Флоренция – от Кортони туда можно доехать на машине меньше чем за час. Я поднимался по крутой улочке – и название у нее оказалось подходящее – Виа Кручиз – мимо монастырей и старинных домов, не тронутых войнами. На самой верхушке холма высились неуклюжие башни Фортецца Медичи, чуть ниже стоит храм Сан-Себастьяно, откуда выходили люди после вечерней службы. Отсюда открывался дивный вид на ближайшие городки и озеро Тразимено, немного заслоненное дальним холмом.

Творения Фра Анджелико трудно забыть – такую глубокую силу веры и просветления они несут в себе. Об этом писал Вазари:

«Фра Джованни был человеком большой простоты и святости в своем обхождении... Он был очень тихим и уравновешенным, живя целомудренно, вдали от всех мирских треволнений. Он часто повторял, что всякий, кто посвятил себя искусству, нуждается в покое и отсутствии забот, и что творящий дела Христовы, должен всегда пребывать со Христом... Все похвалы мои не могут воздать должного этому святому отцу, который был столь смиренен и кроток в своих поступках и рассуждениях, столь легок и благочестив в живописи, что писанные им святые имеют больше, чем у кого-либо другого, подобие блаженных. Некоторые утверждают, что брат Джованни никогда не брался за кисть, прежде не помолившись. И если он писал Распятие, слезы всякий раз струились по его щекам, доброта его искренней и великой души видна в облике и положении его фигур».

Это чувствуется в каждой картине Фра Анджелико. Может быть, строгий и серьезный облик ангелов имеет много общего с внутренним миром художника. Не случайно монах-живописец был канонизирован церковью как святой, и считается небесным покровителем всех художников.

Вот как передал свои впечатления от его картин поэт Константин Бальмонт:

Вот почему я каждый раз с особым чувством смотрю на профиль Фра Анджелико, выбитый на саркофаге в церкви Санта-Мария-сопра-Минерва, где он похоронен. Надеюсь, мне еще доведется оказаться вновь в Вечном городе и в этом храме...

*Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
А жизнь людей мгновенна и убога,
Но все в себе вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.*

*Если б эта детская душа
Нашим грешным миром овладела,
Мы совсем утратили бы тело,
Мы бы, точно тени, чуть дыша,*

Встали у небесного предела...

РАВЕННА. ВИЗАНТИЯ И ТЕОДОРИХ

С юных лет имя Равенны манило меня той мистической аурой, которой этот город был окутан благодаря стихам Блока:

Но причина моего посещения Равенны связана не только с Блоком. Невозможно в маршрутах по Италии пропустить Равенну – из-за редчайших римских и византийских мозаик V – VI века. Подумать только, в одном небольшом городе восемь хорошо сохранившихся храмов с древними мозаиками. Плюс могила Данте...

При Блоке, вероятно, Равенна действительно выглядела сонной и брэнной, но сейчас, в XXI веке, я застал город оживленным и динамичным. На улицах многолюдно, магазины и кафе кишели посетителями, в музеях тоже хватало туристов.

Город небольшой, а жемчужины Византии расположены поблизости друг от друга (за исключением двух). Так что за день можно осмотреть все, что я и сделал. И вспоминал по пути зигзаги истории Римской империи, когда варвары нахлынули на полуостров, и в 402 году император Гонорий перенес столицу из Милана в Равенну, надеясь укрыться среди болот и лагун от нашествия.

Каждая мозаика – отдельная песня, но особенно запоминаются они в двух местах – храме Сан-Витале и мавзолее Галлы Плацидии, расположенных рядышком. Мавзолей возведен на век раньше храма – до 450 года, когда умерла Галла.

Судьба у этой женщины очень интересная – сестра императора Гонория, она попала в плен к вождю вестготов Алариху, захватившему Рим в 410 году. Ее насильно выдали замуж за Атаульфу, преемника вождя. Через пять лет тот умер, и Гонорий выкупил сестру. Однако

в Равенне выдал ее замуж за своего полководца Констанция, ставшего вскоре соправителем императора. Когда Констанций в 425 году скончался, Галла Платидия оказалась регентшей при своем малолетнем сыне Валентиниане, провозглашенном императором. И долго (около четверти века) правила Западной Римской империей, оставив о себе добрую память.

Мавзолей небольшой и совсем невзрачный на вид – простой кирпичный сарай, но такова была христианская традиция тогда – красота не снаружи, а внутри. Действительно, внутри отделка завораживает. Не роскошью, а простотой и впечатлением космической бесконечности. Это достигается благодаря густой синеве мозаики на потолке, пересыпанной золотыми звездами. Это еще не Византия, а наследие римских катакомб. Оттуда же – непривычное в Византии изображение Христа как юного безбородого пастыря, окруженного овцами – символизирующими заблудших людей.

А покинув приземистый мавзолей и пройдя десятка три шагов, я вхожу в храм Сан-Витале, и тут же переношусь в другое измерение, иную империю – Византию. Это шестой век, время императора Юстиниана и царицы Феодоры, чьи мозаичные портреты украшают апсиду храма. Это уже Восточная Римская империя, когда Юстиниан, послав войско под командованием Велисария, захватил Равенну в 540 году и объединил Запад и Восток.

Долго я любовался в Сан-Витале переливом мозаик в лучах солнечного света, прорывавшимся через узкие окна. Магия византийских творений в Сан-Витале многократно описана в книгах Павла Муратова, Генри Мортонна, в стихах Блока. А мне вспоминались тут мозаики храма Айя-София в Стамбуле (хотя масштабы Сан-Витале гораздо скромнее) и королевская капелла в соборе Ахена. Последняя появилась в германском городе не случайно – император Западной Римской империи Карл Великий был так поражен красотой Сан-Витале, когда завоевал Италию в VIII веке, что решил создать у себя на родине что-то подобное. Но повторить шедевр не получилось, хотя и подражание смотрится интересно.

Осмотрев мозаики во всех семи храмах, я оставил на десерт мавзолей Теодориха. Он правил Равенной и Западной империей как раз в промежутке между Галлой Платидией и Юстинианом. Его судьба уникальна тем, что он потомок варваров-остготов, обитавших возле Днепра и Крыма. То есть косвенно наш человек!

Он родился в Паннонии, а вырос и воспитывался в Константинополе, где принял христианство, усвоил и полюбил западную культуру. Когда его отец умер, Теодорих стал королем остготов и во главе войска отправился в Италию. В 493 году он завоевал Равенну, убил вождя варваров Одоакра, правившего здесь и постепенно захватил всю Западную Римскую империю, от Балкан до Пиренеев. Однако он признавал главенство Византии, подчиняясь императору.

Соединив в себе западную и восточную культуру и традиции, Теодорих царствовал 33 года. При нем империя жила вполне стабильно, а после его смерти быстренько развалилась...

Просвещенный варвар – так его называли... Теодорих продолжил византийскую традицию в культовых сооружениях Равенны. При нем и под его контролем была построена базилика Сант-Апполинаре-Нуово, посвященная Христу Спасителю. Также при его жизни в этом храме создан мозаичный комплекс, по стилю еще более приблизившийся к мозаикам Константинополя.

Любопытно, что среди изображений здесь есть портрет Теодориха в императорском облачении, но позже, при следующих правителях, эту мозаику изменили и назвали портретом Юстиниана. Как в императорском Риме, когда при новом тиране у статуи с лицом прежнего правителя отрубали голову и ставили другую...

На одном из сюжетов в этой базилике мы видим дворец Теодориха. В реальности дворец не сохранился, осталась только одна стена с арками. Современники писали, что дворец

был украшен с византийской пышностью. На изображении дворца в центральной арке пустое пространство, а в оригинале там был сидящий на троне Теодорих. И этот портрет, значит, удалили...

А вот в своем мавзолее, который он начал строить на закате жизни, Теодорих не стал использовать мозаики и христианские символы. Получилось мощное и грубое здание круглой формы, типа крепостной башни, сразу наводящее мысли на варварское происхождение того, кто это здание задумал. Может, он и хотел оставить такое впечатление? Ведь всю жизнь Теодориха задевало нежелание римской аристократии признать его равным себе, их нескрываемое пренебрежение. Свой среди чужих, чужой среди своих...

Внутри мавзолея – голые каменные стены. Пустой саркофаг из бордового мрамора. Если и были здесь сокровища, то давно разграблены. Пропали и останки императора. Так проходит мирская слава. И все же свой след в истории Теодорих оставил. Не случайно его называли при жизни Великим. Павел Муратов писал: «Именно у гробницы Теодориха каждый путешественник ощущает ход веков...» Ощутил это и Блок:

Напоследок я посетил гробницу великого Данте. Как ни странно, здесь не оказалось ни одного туриста, кроме меня. Изгнанный из Флоренции, великий поэт нашел пристанище в Равенне, и не пожелал вернуться на родину даже после смерти. Отдельно стоящий маленький мавзолей оставляет ощущение бесприютности.

Почти нет посетителей и в расположенном рядом музее Данте. Только в соседнем храме Сан-Франческо заметно некоторое оживление – именно здесь долго находились останки Алигьери, а теперь любопытствующих более привлекает подzemелье церкви, затопленное водой – это напоминает о том, что Равенна построена на болотах, и грунтовые воды до сих пор заполняют подвалы многих зданий. Кстати, причиной смерти Данте стали именно болота – он заболел малярией, возвращаясь в Равенну из Венеции, куда его посылали с городским посольством...

Завершаю эти строки Блоком. Ведь от него в Равенне никуда не денешься...

*Все, что минутно, все, что бrenно,
похоронила ты в веках,
ты как младенец, спишь, Равенна,
у сонной вечности в руках...*

*Безмолвны гробовые залы,
Тенист и хладен их порог,
Чтоб черный взор блаженной Галлы,
Проснувшись, камня не прожжег.*

*Далеко отступило море,
И розы оцепили вал,
Чтоб спящий в гробе Теодорих
О буре жизни не мечтал...*

*Лишь по ночам, склонясь к долинам,
Ведя векам грядущим счет,
Тень Данта с профилем орлиным*

О Новой Жизни мне поет...

МОНАХИНЯ ИЗ АССИЗИ

От Перуджи, где я остановился, до Ассизи совсем недалеко – полчаса на электричке или автобусе. Но ходят те и другие редко. Вышло так, что туда я поехал утром на автобусе, а обратно вечером – поездом. Из-за этого и случилась моя встреча, если можно так сказать, с францисканской монахиней.

Конечно, в Ассизи я собрался из-за святого Франциска. Его личность и учение оставили глубокий след в истории религии и духовных поисков, поэтому интересны не только католикам, но и любому, кто в той или иной мере причастен вопросам веры. Но не в меньшей мере меня влекло сюда желание посмотреть грандиозную базилику Сан-Франческо, где святой покоится, расписанную лучшими художниками того времени – Джотто и Чимабуэ, Симоне Мартини и Пьетро Лоренцетти оставили в ней свои фрески...

Ассизи живописно расположен на склоне горы Монте Субазियो, она такая высокая и мощная на фоне мягких умбрийских холмов, что кажется, будто городские здания и храмы, взбираясь наверх, как бы выдохлись и остановились на полпути. Базилика высится на краю горного склона, на огромной террасе, и привлекает взгляды издалека.

Именно здесь Франциск в XIII веке основал свой монастырь, где на личном примере проповедовал идею нищеты, любви к ближнему и единения с природой. А когда он умер, то монахи-францисканцы похоронили его тело в крипте, над которой возвели эту базилику с нижним и верхним храмами.

Мне подумалось, что идеи Святого Франциска и огромная помпезная церковь как-то не очень вяжутся друг с другом. Как и бесконечный туристический конвейер, организованный в Ассизи. Толпы посетителей, среди которых, наверное, большая часть – отнюдь не истинные паломники. Впрочем, сильно ли отличаюсь от них я сам?

Тем не менее в подземелье, у гробницы с мощами Святого Франциска, не только на меня, но на любого человека нисходит благоговение. И я мысленно помолился святому о простых вещах – о здоровье для родных, о благодарности за каждый божий день, о чуде жизни.

Полумрак. Свечи, которые нельзя зажечь – с электрическими лампочками. Коленопреклоненные люди у гробницы. За решеткой раки – фотографии детей и взрослых, оставленные паломниками...

Поднявшись из крипты в нижний храм, долго осматривал фрески. Солнце снаружи то уходило за облака, то снова озаряло базилику. И тогда росписи со святыми в золотых нимбах оживали и разгорались потусторонним сиянием. Особенно меня тронуло изображение Франциска, написанное Чимабуэ – там святой выглядит таким наивным и трогательным, искренним и немного смешным в своей лопухости... Словно выходит как живой передо мною из тьмы веков.

Еще одно сильное впечатление в нижнем храме – «закатная» мадонна Лоренцетти. Вроде и просто, и примитивно (по сегодняшним меркам) написано, и так забавен узкоглазый лик, однако какая мистическая сила и святость исходит от этого образа! Мастерство и талант прорываются сквозь века и устаревшую технику...

А рядом – фреска, где Франциск проповедует птицам. Автор – безымянный Мастер Святого Франциска. Один из первых, расписывавших базилику, а вот его имя не сохранилось. Но мне подумалось, если есть жизнь там, в небесах, то безымянный художник не в претензии, что он без имени. Главное – что его творения сохранились за семь веков и до сих пор приковывают взоры множества людей.

В верхнем храме, сплошь расписанном Джотто и его учениками, просторно, светло и торжественно, но несколько холодновато (в духовном смысле). Да и творения Джотто здесь не так впечатляют, как в Падуе, в Капелле Скровеньи. Вполне возможно, что большинство сцен выполнял не сам маэстро, а его ученики по эскизам руководителя...

Облазил город, заглянул в маленькую картинную галерею, добрался до центра, где меня, как и Гете, восхитил античный Храм Минервы. Портик с шестью колоннами, небольшой и соразмерный человеческому масштабу, несмотря на возраст в две тысячи лет, хорошо сочетается с соседними зданиями, которые гораздо моложе. Я вспомнил, что гробница Франциска была облицована плитами травертина, взятыми как раз из храма Минервы.

Присел за столик в кафе у храма, чтобы передохнуть и выпить капучино. Мимо прошло несколько францисканских монахов в коричневых рясах и веревочных сандалиях. И словно исчезло ощущение времени – то ли первый век на дворе храма Минервы, то ли позднее средневековье, и сейчас за столик присядет святой Франциск и скажет: Спасибо тебе, брат Солнце, за прекрасный теплый день, спасибо тебе, сестра Жизнь, за каждое мгновение и ощущение вечности...

До вечера я успел забраться почти на самую верхушку горы, к подножию старой полуразрушенной крепости. Отсюда открывалась потрясающая панорама почти всей Умбрии, из-за жаркого дня задернутой дымкой испарений. И город со своими куполами и кампаниллами живописно раскинулся передо мной. Брат Солнце тихо уходил на покой, закатываясь прямо напротив моего наблюдательного пункта, на другом краю долины, окрашивая небо в пылающие карминно-малиновые тона.

Спасибо тебе, сестра Умбрия, за эти непередаваемо прекрасные мгновения... Спасибо тебе, брат Франциск, за то, что благодаря тебе я оказался здесь...

Когда я спустился вниз, уже смеркалось. Пора было ехать в Перуджу на ночлег. Однако на автобусы в этот час надежды было мало. А до станции железной дороги со склона горы надо

было добираться на равнину несколько километров. Но я рассчитывал найти местный автобус, чтобы доехать до вокзала.

На одной из улочек увидел знак остановки автобуса «Фермата». Вот и хорошо. Там стоял старичок, и я решил на всякий случай уточнить, доеду ли отсюда до станции – «Стационе ферровиа». Спросил на своем великолепном итальянском. Дед, как ни странно, меня понял и начал объяснять, эмоционально жестикулируя. Я показал на уши: «глухой». Он видимо, повысил голос, потому что к нам подошла молодая женщина – монахиня.

Она была худенькая, высокая, довольно приятная на вид, в черном одеянии и с белым платком на голове. И в очках, как и я. Жестом пригласив меня следовать за ней, монахиня пошла на соседнюю улочку, немного спустилась вниз и остановилась у другой автобусной остановки.

«Спасибо! Грацие!». Я думал, что после этого моя жоатая пойдет своей дорогой. Однако она осталась со мной. Значит, попутчики. А вдруг она тоже едет в Перуджу? И даже остановилась в том же отеле? Вот будет интересно.

Я представился: «Василий. Россия». И дал ей блокнот с ручкой.

«Klara. Belgium».

Тут как раз подошел автобус. Мы с Klarой вошли и купили билеты у водителя. А в салоне сидело несколько священников-мужчин, тоже в черных сутанах. Они дружно приветствовали мою спутницу, как старую знакомую. Клара оставила меня и оживленно заговорила с батюшками, то есть падре.

Через несколько остановок вся католическая компания высадилась на темной улочке. Сестра Клара, прежде чем выйти, знаком показала, что мне ехать до станции дальше. Я поблагодарил милую монахиню: «Грацие!»

И сейчас, в морозный январский день, глядя в окно на заснеженные подмосковные сосны, я вспоминаю эту встречу, эти незабываемые впечатления от Ассизи, базилики, фресок, от блужданий по городу и закатной нирваны у стен крепости и мысленно говорю: «Спасибо тебе, сестра Клара, за эту встречу, и пусть пошлют тебе Господь и Франциск многая лета»...

АРЕЦЦО. В ГОСТИ К ПЬЕРО ДЕЛЛА ФРАНЧЕСКА

С первого взгляда располагает к себе город Ареццо – своей заботой о туристах. Уже на пристанционной площади я обнаружил огромный стенд с подробной картой города и дальше на каждом углу – множество указателей с названиями достопримечательностей и музеев. «Налево пойдешь... Направо пойдешь... Прямо 100 метров...» Далеко не в каждом европейском городе встретишь такую удобную и наглядную навигацию.

Сюда я приехал из-за Пьеро делла Франческа – его фрескового цикла в монастыре Сан-Франческо (совпадение фамилии и названия храма, вероятно, не случайно). Великий художник жил в XV веке, а родился в городе Борго Сан-Сеполькро, неподалеку от Ареццо (куда я тоже планировал наведаться). За свою жизнь Пьеро работал и жил во многих городах Италии, но скончался в родном селении. Сохранилось не так уж много его произведений, а фрески в Ареццо – самое значительное его творение, и я ехал сюда с особым предвкушением – встречи с шедевром. К самому художнику у меня особое отношение – его картины производят на меня какое-то мистическое воздействие даже в иллюстрациях. Тем более хотелось постоять перед оригиналами.

Однако в городе оказалась целая куча других жемчужин истории и архитектуры. Главная изюминка – Пьяцца Гранде, необычная наклонная площадь на склоне холма. Здесь часто проводятся ярмарки антиквариата, и я попал сюда как раз в эти дни. Можно долго бродить среди столов с россыпями старых артефактов, но меня ждали музеи. С площади великолепно

смотрится фасад романской церкви XII века Пьеве ди Санта-Мария с «башней сотни арок». Внутри впечатляет полиптих Пьетро Лоренцетти «Мадонна с младенцем и святыми».

В Ареццо родились поэт Франческо Петрарка и художник Джорджо Вазари, и я с интересом осмотрел их дома-музеи. В библиотеке дома Петрарки, где все комнаты уставлены шкафами с книгами, я вспомнил квартиру своего друга Ярослава Пичугина, тоже поэта, его жилище так же тонет в книгах (в хорошем смысле). А дом Вазари оказался сплошь – на стенах и потолках – покрыт фресками, написанными, естественно, хозяином. Вот плодовитый мастер – и в живописи, и в литературе (он более известен как автор «Жизнеописаний художников Возрождения», своих современников).

Кстати, в музее Дуомо я обнаружил выставку, посвященную 500-летию со дня рождения Вазари (родился в 1512 году). Много живописи и графики. Но большинство его полотен меня разочаровали – добротное, мастеровитое, но без блеска гениальности, к тому же у него проблемы с пропорциями изображенных людей, а дети и мадонны выглядят какими-то неестественными. Лучше всего у Вазари получаются библейские старцы. Зато понравились на выставке картины других художников, особенно «Благовещение» Спинелло Аретино (1390).

В музее средневекового искусства сильно меня затронули работы мастеров Проторенессанса. Скульптуры и церковная утварь, детали соборов... Иконы XII – XIII веков – так близки к византийским традициям. Не случайно у Пьеро во фресках можно заметить намеки на возможное, но несостоявшееся примирение католичества и православия. Византийское влияние заметно и в картинах Пьетро Лоренцетти, Бернардо Дадди, Парри да Спинелло. Мадонны раскосые, в тогдашнем стиле, и оттого кажутся забавными и милыми. Вновь Спинелло Аретино, его «Троица» произвела глубокое впечатление. И опять разочаровали картины Вазари...

Наконец-то добрался и до базилики Сан-Франческо. Фрески Пьеро делла Франческа, цикл «История Животворящего Креста» в отдельной капелле, над которым он неспешно работал целых десять лет. Очевидно, что эта работа и сама история обретения Креста имела для художника очень важное значение.

Росписи можно увидеть прямо из церкви, издали охватить взглядом, но чтобы осмотреть вблизи, надо заплатить за билет. Оно того стоит. Замысел мастера и исполнение грандиозны. Жаль только что фрески местами плохо сохранились. Трещины, осыпавшиеся, выцветшие места. В некоторых фрагментах, в сцене смерти Адама и там, где Константин принимает Крест, утрачены большие куски росписи.

Но и оставшееся так запоминается, что долго не отпускает. Отрешенность и возвышенность главных персонажей. почти графические, скупые по цвету фигуры и лица. Особенно хороши сцены с царицей Савской и царем Соломоном, сюжет о смерти Адама. В композиции с императрицей Еленой, наблюдающей за обретением Креста, на заднем плане – Иерусалим, который на самом деле нарисован с Ареццо того времени (XV век). Завораживает «Сон Константина перед битвой», тот поворотный момент для истории христианства, когда Константину было видение, что он сражается не просто за себя, но за судьбу последователей Христа...

Позже я нашел в стихах Михаила Айзенберга совпадение со своими впечатлениями от этих замечательных творений:

А позже в местном Дуомо меня удивила фреска «Мария Магдалина» кисти Пьеро. Небольшая по размерам, она хорошо сохранилась. На ней – портрет сильной, властной, уверенной в себе женщины с прямым и ясным взглядом, совсем не похожей на грешницу. Очевидно, она уже преобразилась после воскресения Христа...

Дальше путь мой лежал в Сансеполькро – родину Пьеро делла Франческа. Из Ареццо я добирался на автобусе более часа. Название маленького равнинного селения означает «Город

Святого креста». То есть тема фрескового цикла в Арещо выбрана художником не случайно. Он много путешествовал и работал в разных городах, но всегда возвращался в родной Сансеполькро.

И здесь находится его главная и самая знаменитая работа – «Воскрешение Христа». Писатель Олдос Хаксли называл ее величайшей картиной в мире. А во время Второй Мировой войны, когда Сансеполькро был осажден американскими войсками, артиллерийская батарея обстреливала город. Но внезапно командир батареи, когда-то прочитавший книгу Хаксли, вспомнил, что именно здесь хранится «Воскрешение Христа», и приказал прекратить обстрел. На следующий день после захвата города, он поспешил посмотреть, цела ли картина, и с облегчением увидел, что она невредима. Об этом случае писал английский писатель Генри Мортон.

И я с волнением вошел в местную пинакотеку, где сейчас экспонируется «Воскрешение». Фреска немного выцвела, но все равно производит мощное впечатление. Небольшая, но монументальная. Сдержанные цвета. Христос, поднимающийся из гроба, смотрит прямо на тебя, но его взгляд потусторонний, отрешенный, сомнамбулический. Словно он уже думает о Страшном Суде для всего человечества. Он уже знает, что можно увидеть по ту сторону смерти, и чего стоит воскрешение...

В соседних залах галереи есть еще несколько работ Пьеро делла Франческа. Я долго сидел перед «Мадонной Мизерикордия (Милосердия)». Это центральная часть полиптиха. Золотой фон, мадонна укрывает раскрытым плащом, словно обнимая, группу коленопреклоненных людей, которые по масштабу гораздо меньше Богоматери. Мать мира. Необычный образ – не сказать, что мадонна красива или возвышенна, скорее – приземлена. Редкие волосы, белесая, безбровая, прическа спрятана под головной убор – корону. Учитывая, что у Пьеро на многих работах мадонны напоминают внешне его мать (он осиротел в раннем возрасте), то этот образ можно воспринимать как мать всего человечества.

Очевидно, что мама сыграла большую роль в жизни художника. И я тоже, сидя за тридевять земель от материнского дома, с теплотой и нежностью вспоминал свою маму (на тот момент она была жива) и думал, что она всю жизнь пыталась укрыть меня плащом своей заботы...

Недалеко от Борго Сансеполькро – еще более маленькое селение Монтерки, в котором родилась мать Пьеро. Пишут, что отец Пьеро умер, когда мальчик еще не родился. Так что всем хорошим в себе художник обязан матери. В ее честь он написал в Монтерки фреску – «Мадонна дель Парто». На ней изображена беременная женщина, внешне очень напоминающая ту Мадонну, Мать мира, которая находится в Сансеполькро. Эта фреска уникальна – мне не приходилось встречать у средневековых художников изображение беременной мадонны. По свидетельству других путешественников, «Беременная мадонна» популярна у женщин, которые ждут ребенка и молятся ей, чтобы роды прошли благополучно.

Еще один шедевр Пьеро делла Франческа хранится совсем близко отсюда – в картинной галерее Палаццо Урбино. Если от Сансеполькро поехать прямо через отроги гор в сторону моря к Пезаро, то через несколько десятков километров попадешь в уютный городок Урбино – родину Рафаэля.

Мощный и угрюмый замок Монтефельтро скрывает коллекцию прекрасных картин, среди которых «Немая» – портрет молодой девушки кисти Рафаэля. Но самая известная и загадочная – «Бичевание Христа», написанная Пьеро. Как считает Павел Муратов, ради одной этой картины стоит побывать в Урбино. Хотя на мой взгляд, сам дворец и городок заслуживают еще большего внимания. Герцог Федерико Монтефельтро был известен как покровитель искусств, а с Пьеро его связывали дружеские отношения – недаром портрет герцога и его жены, написанный делла Франческа, украшает Галерею Уффици во Флоренции.

«Бичевание Христа» – совсем небольшое по размерам полотно. Любопытно, что основное внимание в картине достается не Христу, а трем мужчинам на первом плане, спокойно беседующим и не обращающим внимания на происходящее в глубине картины, где привязанный к столбу Иисус стоически терпит мучения. Он почти незаметен в этой композиции, и этой незаметностью, этим всеобщим равнодушием к его судьбе напоминает мне картину Брейгеля «Падение Икара», когда все продолжают заниматься своими делами, не замечая трагедии...

Так славно сейчас вспоминать это путешествие по местам одного из любимых моих живописцев. Так благословенно, что древняя земля Италии хранит эти места и эти творения. Так хорошо, что старинные маленькие борго и великие картины остались в моей памяти и в моем сердце...

*Чем ещё насмотреться?
Перед глазами фреска,
сделанная в Арещо
Пьеро делла Франческа,
где по живой известке
копий летят полоски
в поле глухого блеска...*

ТОСКАНА. СВИДАНИЯ С ВИТАЛЕТОЙ

Я не боюсь признаться ей в любви. Может быть, безответной. Но все же надеюсь, что мое чувство взаимно.

К ней трудно остаться равнодушным. С виду она простенькая, миниатюрная, но по-своему обаятельная и милая. А еще – ветреная и свободолюбивая, потому что обитает на просторе итальянских холмов.

Только с третьей попытки я все же добрался до нее, и притронулся, затаив дыхание, к ее священной поверхности. Эти попытки растянулись на несколько лет.

Ее зовут Мадонна Виталета. Это маленькая старинная часовня в Тоскане.

Невзрачная, потерянная, чуть покосившаяся – она стоит в окружении плавных холмов Тосканы, в долине Валь-д-Орча. Не самая древняя (1590 год – первое упоминание), но самая фотографируемая церковь в Тоскане. Редкий фотохудожник, даже будь он трижды простой любитель, побывавший в этих местах, не запечатлел ее на свою пленку или матрицу.

В ней находится священная статуя Мадонны Виталета, созданная Андреа делла Роббиа.

Но ее главная прелесть – в окружающем пейзаже. Виталета служит как бы смысловым завершением прекрасного ландшафта холмов и полей Тосканы, вишенкой на торте.

Впервые я увидел ее из окна автобуса, когда майским днем мы с супругой ехали из Монтепульчано в Сиену. И все – я пропал. Вытянув шею, долго следил за ней, пока часовня не скрылась за поворотом. Через пять минут мы въехали в городок Сан-Квирико, и я торопливо вскочил, схватил сумку и сделав умоляющее выражение лица, попросил жену следовать за мной.

Усадив жену в кафе (можете представить ее возмущение, ведь следующий автобус должен быть через два часа), я отправился по обочине шоссе назад, прихватив фотокамеру. Через полчаса Виталета предстала перед моим объективом.

Кто занимался фотографией всерьез, знает, какое упоение охватывает человека, когда перед ним открываются сокровенные пейзажи. Пропадает ощущение времени и каждый следующий кадр кажется лучше, чем предыдущий. Каждый шаг влево-вправо-вперед дает новый ракурс и новые перспективы. Я спускался в низины – и макушка часовни пропадала, я взбирался на верхушки косогоров – и Виталета тонула в бесконечных переливах холмов и рощиц до самого горизонта.

Но счастье недолговечно, если тебя ждет разгневанная супруга. Я едва успел вернуться к приходу следующего автобуса. До конца дня моя половина дулась и не хотела разговаривать. А я думал, как бы сюда еще вернуться к ней – ненаглядной и вечной возлюбленной Виталете...

Через несколько лет я снова приехал в Тоскану. На этот раз прибыл в Италию один и остановился в отеле в том самом Сан-Квирико. Конечно, в моем маршруте были и другие лакомые места, но сейчас речь не о них.

Люблю крохотные старинные городки вроде Сан-Квирико. И не только в Италии их можно найти. Похожие каменные деревушки можно обнаружить и во Франции, и в Германии, и в Хорватии. Компактные уютные борго, в которых время словно остановилось. В каждом доме – дух средневековья.

А Сан-Квирико еще и полон духа христианства. Через город проходит паломническая дорога Виа Франчезина, по которой шли пилигримы в Рим. Борго назван в честь святых Кирика и Иулиты, мучеников, убитых во время гонений в IV веке, при императоре Диоклетиане. Том самом, при котором пострадал и святой Николай Мирликийский...

Три счастливых дня было у меня... Три дня, которые я запланировал на долину реки Орча, начались, конечно, с визита к Виталете. В отеле, где я остановился, имелись бесплатные велосипеды. Собственно, потому я его и выбрал (хотя и сам по себе этот отель весьма уютен и необычен). И вечером взгромоздился на железного коня, предвкушая закатный свет на стенах часовни и окружающих долинах.

Шоссе петляло, мимо проносились машины и автобусы, но я ничуть не боялся, ибо много раз видел на Западе, как уважительно автомобилисты относятся к людям на велосипедах. Скоро я достиг того места, откуда была видна она – возлюбленная Виталета. Она рдела закатным багрянцем, за ней виднелись холмы, на одном из которых высились домики соседнего городка. Хотя до него было далеко, благодаря оптике фотообъектива, на кадре он казался совсем близким.

Таким виделся пейзаж с возвышенности у шоссе. А когда я спустился вниз по дороге к ближней ферме, Виталета очутилась на вершине холма, как корона на тосканской голове, обрамленная стройными кипарисами.

Возвращался в отель в сумерках. В гору на велосипеде ехать оказалось тяжеловато, да и усталость навалилась, но это была счастливая усталость.

Рано утром, на рассвете, я уже выходил из своего временного пристанища. Моросил дождик, однако мне это было на руку – самая подходящая погода для образования тумана. Тосканские холмы в туманной дымке – что может быть лучше для фотографа?

Каково же было мое разочарование, когда никакого тумана я не обнаружил у Виталеты – ни за ней, ни перед ней. Только серая пелена дождя, слегка размывающая дальние планы. К тому же грунтовые дороги в долине размякли, и я с трудом волочил ноги, облепленные жирной местной глиной.

Вернувшись в отель, спустился в зал ресторана на завтрак. Проходя через холл, увидел группу китайцев, снимающих у входа резиновые сапоги, покрытые грязью. У каждого жителя Поднебесной в руках были внушительные кофры с фотокамерами и метровыми объективами, штативами. Ну ясно, тоже вернулись со съемок, с пленэра. На машинах ездили, конечно, а не на педальном транспорте. И судя по аппаратуре, это профи, в отличие от меня. Или богатые любители. Я не принадлежал ни к той, ни к другой категории. Мне хватает простенькой зеркалки с легким объективом-зумом. Главное для меня – получить удовольствие от процесса.

Во второй половине дня дождик поутих. Стало выглядывать солнце. Стоял поздний октябрь, и до заката было не так уж далеко. Я решил пойти на свидание к Виталете пешком, без велосипеда. Напрямик, от города через поля и долину. Для этого у меня имелась местная карта, на которой были обозначены все мелкие дороги и тропинки. Между прочим, долина Валь-д-Орча внесена в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, благодаря своему уникальному ландшафту.

По прямой расстояние составляло километров пять. Но прямой дороги, естественно, не было. Поэтому я вначале поплутал на выходе из города. Найдя верную траекторию, вышел на склон холма и обнаружил, что тропинки развезло от недавнего дождя. Обходной маневр обошелся лишними километрами. Но я не переживал, потому что здесь в любом месте открывались заманчивые виды и ракурсы, которые можно было варьировать в кадре бесконечно. Короче, процесс пошел.

А когда процесс идет, то чувство времени пропадает. Вот и я пропадаю, растворяясь в «терра тоскана». То мне открывались переливающиеся бархатной зеленью волнистые поля. То попадался одинокий гордый кипарис, позирующий на фоне тосканских далей. То за гребнем холма показывался милый охристый домик фермеров, и его обязательно надо было запечатлеть со всех сторон. Счастье, что здесь вообще нет заборов, как у нас в родном дачном Подмосковье.

То я присаживался на обочине дороги в стерне и вытаскивал из сумки бутерброд, и запивал его водой, блаженно глядя перед собой в расстилающийся простор. То меня обгонял фургончик, который неподалеку останавливался, из него выходили немолодые мужчина и женщина с фотокамерами, нажимали на кнопку затвора несколько раз и ехали дальше. Да, невольно вздохнешь и позавидуешь – вот у них свой дом на колесах, приехал в нужное место, вздремнул – и на рассвете снимай любые восходы и туманы.

Таким образом, когда я подошел к самой Виталете, день уже угасал. Солнце едва выглядывало из-под края облаков. Но все же выглядывало. Я легкой трусцой поспешил за изгиб тропы, к самой капелле, чтобы снять ее вблизи. И прикоснуться к священным стенам. На бегу я думал, как буду добираться после заката к шоссе, до которого было еще недалеко. А там еще голосовать придется, потому что вечером автобусы не ходят. Или брести до города по ночной трассе около часа.

Сама часовня была закрыта, но я знал, что она на реставрации. Спустившись от храма вниз в долину, я снял десяток-другой кадров и огляделся. Мимо меня шествовала вереница серьезных мужчин в профессиональной экипировке, увешанные фотокамерами. Последним шел китаец, который показался мне знакомым. Ага, уж не тот ли самый, что утром в моем отеле снимал резиновые сапоги? Я вспомнил, что когда бежал к Виталете, у изгиба тропы видел джип. Наверняка, эти ребята из моего отеля, и если попросить их, с удовольствием возьмут меня с собой!

Догнав фотографов у их автомобиля, я извинился по-английски и жестами попросил подвезти меня. Но при ближайшем рассмотрении оказалось, что это не китайцы из моего отеля, а разноликие космополиты из разных стран. И как они написали мне на бумажке, едут не в Сан-

Квирико, а мимо, в Сиену. Тогда я смиренно попросил подбросить меня до развилки шоссе, откуда мне можно было добраться самому. Космополиты переглянулись между собой, вздохнули и великодушно согласились.

За те несколько минут, что мы тряслись в джипе, я решил выяснить, откуда родом эти тосканofilы, родственные мне души. Так же путем переписки они проинформировали меня, что приехали из Франции. Я с широкой улыбкой признался, что из России, город Москва. Они вежливо покивали и опять переглянулись. Похоже, они слегка улыбались. Но мне было все равно. Они спасли меня от ночного блуждания в неосвещенных тосканских холмах. Когда меня высадили у поворота дороги, я долго говорил им по-французски «мерси» и махал рукой вслед.

Сонный городок Сан-Квирико уютно светился окнами и редкими фонарями. Я шел по горбатым улочкам, переполненный тихим счастьем от замечательного дня и вечера. От тосканских долин и холмов, вошедших в мою душу. От ощущения причастности к великому братству фотографов-космополитов всего мира.

Спасибо, Виталета, ненаглядная и неповторимая! Я с тобой не прощаюсь...

РИМСКИЕ ПИСЬМА ДОМОЙ

Дорогая, помнишь ли ты наш прошлый визит в Рим? Это было два года назад, в декабре, когда в Москве мели метели, а Вечный город согрел нас теплым солнышком и прохладным ветерком... А теперь я хожу по Риму в одиночку и даже не могу тебе ничего написать по смартфону, потому что вчера разбил его, выронив из рук в холле отеля. Так пусть эти записки в блокноте станут моими посланиями к тебе, домой.

В те декабрьские дни, что мы с тобой бродили вдвоем, в нашем распоряжении оказалась комната в доме прямо напротив Колизея. В открытое окно виднелась часть его стены, а дальше тянулись руины Форума. Было непривычно просыпаться по соседству с легендарной ареной и, выглянув на улицу, наслаждаться рассветом над развалинами дворцов и храмов, которым две тысячи лет и более.

Недавнее наводнение, о котором мы с тобой читали в интернете и были изрядно напуганы, оказалось детской страшилкой – затоплены были только набережные Тибра и отдаленные низменные районы, да и то в прошедшем времени. К нашему приезду следов катастрофы почти не осталось, только кучи сломанных деревьев и мокрого хвороста на боковых уступах речных берегов.

Как хорошо было никуда не спешить и брести рука об руку куда глаза глядят. И все же некий примерный план в моей голове выводил нас туда, куда мне хотелось попасть – к Санта-Мария-Космедин и Бычьему форуму, по мосту через Тибр на заречную сторону, в Трастевере.

Я шутил: «Зима на Заречной улице» и вел тебя к дому, где, по легенде, жила Форнаррина – возлюбленная Рафаэля, а теперь в здании, увитом плющом, располагалась маленькая пиццерия. И мы, не выдержав искушения свежеспеченным лакомством с десятками разных начинок, выбирали кусочки на вес – с грибами, с баклажанами, с артишоками, и конечно, с нашими любимыми «кватроформаджи» (четыре сыра). И перекусывали, присев на узенькие лавочки у стены.

А потом устремлялись дальше – от Санта-Цецилия с фресками Каваллини к Санта-Мария-ин-Трастевере, с золотыми мозаиками того же мастера. И выше – к Темпьетто, созданному Браманте – махонькому и совершенному круглому храму. И еще выше – к вершине холма Яникул, где раскинулась Пьяцца Гарибальди, откуда виден весь Рим как на ладони и обступившие его холмы в синеватой дымке...

В который раз я в Риме? Сбилсся со счета, вроде бы пятый визит. И никогда не надоедает. Вот я пишу тебе, дорогая, домой, но если вспомнить, что Италия для многих русских еще в XIX веке стала вторым домом, то и я сам здесь, на итальянских перепутьях, чувствую себя удобно и уютно, словно дома, словно я вернулся в те места, где когда-то, в прошлой жизни, освоился, как на родине.

Когда бываю в Риме, то в первую очередь прихожу в мои любимые места – к Пантеону и на Пьяцца Навона. И сегодня я снова здесь. Так славно шагать запутанными переулками, наслаждаясь хорошей погодой и оказаться на просторной площади, украшенной шедеврами барокко от Бернини и Борромини, вдохнуть свежести от влажного воздуха у фонтана четырех рек...

Но на этот раз решил целенаправленно обойти окрестные храмы, в которых есть произведения Караваджо. Раньше все сразу не удавалось посмотреть. А на тот момент интерес к Караваджо был не случаен – дальше мой путь лежал в Неаполь, где меня ждали несколько его знаменитых полотен.

Сан-Луиджи Франчези. Это совсем рядом с Пьяцца Навона. Внутри – ярко, пышно, богато, сияет золотая отделка. Пожалуй, чересчур слащаво. На куполе и в капеллах – много интересных росписей. Но конечно, все входящие в храм люди, почти не глядя на остальную живопись, стремятся к капелле Контарелли. Три шедевра Караваджо, посвященные Святому Матфею. Особенно хороша левая картина – «Призвание апостола Матфея». Искусная игра света, льющегося из приоткрытой двери поверх головы и длани Христа. Этот свет озаряет и преображает удивленно-наивное лицо рыжебородого Матфея: «Неужели меня зовут? Куда? Зачем? Кто этот человек с фанатичной уверенностью в глазах? Что ему надо от меня?»

А направо – «Мученичество Матфея». Немного сумбурная и запутанная композиция, однако здесь своя изюминка – автопортрет самого художника, поместившего себя среди свидетелей казни апостола, на заднем плане. Лохматый, обросший бородой и усами, выглядывающий из-за плеча прохожего. Вот, смотрите, здесь я, с вами...

Свет в капелле гаснет. Темно. Я бросаю монетку в пол-евро, и минутку наслаждаюсь живописными эффектами Караваджо. Когда мое время истекает и освещение вновь вырубает

ется, другие туристы из толпы не торопятся бросать свои монетки. Ждут других нежадных ценителей...

Сант-Агостино-Кампо-Марцио. Здесь одна картина Караваджо, но для меня особенно интересная. «Богоматерь Паломников». Мадонна выглядит непривычно решительной и уверенной, а не просветленной и нежной, как у большинства других итальянских художников. Младенец на ее руках кажется чересчур крупным. Коленопреклоненные паломники – старик со старухой – трогают до глубины сердца своим нищим и изможденным видом, а их босые ступни на первом плане поражают реалистичностью – грязные, мозолистые. Не случайно церковники в то время были возмущены этой картиной, а простой народ, напротив, тянулся к этому образу толпами.

В алтаре – икона XIII века, византийского письма, маленькая, темная, намоленная. На одной из колонн в храме – выразительная фреска Рафаэля с пророком Моисеем. Напоминает некоторые фигуры в Сикстинской капелле. Потом прочитал, что Микеланджело даже обвинял Рафаэля в плагиате. Тот и не отрицал, что написал под влиянием старшего маэстро. Рафаэль под конец жизни пытался изменить свой стиль, да слишком мало лет ему было отпущено...

И случайная радость – маленькая роспись, напомнившая стиль Пинтуриккио. Я бы мог не заметить – фреска расположена высоко и не освещена, но что-то показалось знакомым. Перебирая открытки в церковной лавке, нашел и эту роспись, на обороте прочел: «Школа Пинтуриккио». Может, и сам Бернардино руку приложил (завершающие штрихи). С тех пор, как в путешествии по Умбрии заново открыл для себя этого живописца, всегда с любопытством встречаю любые следы его кисти или влияния.

Санта-Мария-делла-Анима. Малоизвестная церковь неподалеку. Очень яркое освещение внутри. Здесь нет знаменитых художников, но картины весьма достойные, напоминают своим контрастным письмом стиль Караваджо. Алтарь – кисти Джулио Романо, боковые капеллы расписаны малоизвестными мастерами.

Дорогая, ты, наверно, недоумеваешь, как это я умудрился разбить телефон. Что ж, расскажу, так и быть.

С утра все пошло кувырком. Смартфон, который у меня в качестве второй фотокамеры, записной книжки и средства связи с тобой и друзьями, выпал из кармана куртки и разбился. Непоправимо. Экран в мелких трещинах и не реагирует на мои судорожные действия.

Так. План на день пошел прахом. Вместо музеев я отправился искать ремонт телефонов. В информационном бюро на вокзале Термини развели руками. В салоне мобильной связи тоже. Только в компьютерном салоне у вокзала, дали адрес сервиса у соседней станции метро. Нашел ремонт в тихом месте. Двое китайцев принимали технику. Посмотрели мой прибор, написали цену ремонта – 190. В евро, разумеется. Ну нет, за эти деньги я могу купить новую камеру. Придется подождать до Москвы, вдруг там ремонт дешевле? А для связи с домом придется использовать интернет-залы. Написал электронное письмо тебе, чтобы не волновалась, рассказал о постигшей меня катастрофе и обещал слать весточки каждый день.

Пантеон. Проходя мимо, не удержался, чтобы вновь не зайти сюда. В очередной раз поражаюсь контрасту внешнего и внутреннего. Могучий и таинственный, древний и неуклюжий. Если посмотреть сбоку – бидон с цементом, только портик с колоннами приставили, словно случайно. А внутри – захватывает дух от простора и объема. И мистический глаз в центре крыши – окно в небо, в вечность.

Здесь трудно не вспомнить добрым словом об императоре Адриане, который приложил руку к возведению этого вечного колоссального храма. Да и много где оставил свой след

Адриан, ценитель античности и прекрасной архитектуры. В нескольких минутах отсюда – берег Тибра, где на другом берегу высится Замок Святого Ангела, он же – Мавзолей Адриана, построенный им для своего упокоения. А выйдя из Пантеона, по дороге к Пьяцца Пополо, в очередной раз прохожу мимо Храма Адриана, возведенного сыном императора в память об отце. И пусть от него остались только восемь колонн, вмурованных в стену более позднего здания, но высота и стройность этих столпов захватывают дух и дают представление о размерах храма.

Вспоминаю, как недавно в Афинах я постоянно натыкался на следы Адриана – то на развалины Храма Зевса Олимпийского, который греки никак не могли достроить, и сумели завершить только благодаря Адриану. То на строения библиотеки Адриана, которая и сейчас, две тысячи лет спустя, весьма впечатляет.

Санта-Мария-дель-Пополо. Это не в районе Пьяцца Навона, а подальше, в самом конце Виа Кавур, но очень уж в тему – тут и Караваджо, и Пинтуриккио. Не первый раз иду сюда. Сегодня попал в разгар службы, поэтому пройти к алтарю нельзя. А картина Караваджо как раз слева от алтаря. Придется подождать.

Священник в белом одеянии, с зеленой полосой, чернокожий, читает Библию. Перед ним сидит всего человек пять, плюс я шестой, православный. Падре так увлечен своим чтением, что порывисто вздымает Библию над головой. И в самом деле, какое значение имеет то, сколько человек слушает тебя? Ты должен делать свое дело, как надо по самому строгому счету.

Я тихонько встаю и подхожу к фрескам Пинтуриккио. Они в первой капелле у входа справа, так что я никому не мешаю. «Поклонение волхвов». Та же нежность и кротость всех персонажей картины. Но особая прелесть – у мадонны. Давно, еще с самого первого путешествия по Умбрии, заметил особую духовность и отрешенность мадонн этого мастера. И что с того, что он не считается гением первого ряда художников Возрождения? У каждого из не самых известных живописцев можно найти свои сильные стороны и запоминающиеся творения.

Еще в двух соседних капеллах фрески, созданные учениками Пинтуриккио. Пусть и не тот уровень мастерства, но что-то общее с его почерком и атмосферой имеется.

После окончания службы пробираюсь к Караваджо. «Мученичество Святого Павла». Шедевр световых эффектов. Однако Павел, которого готовятся распнуть на кресте, не похож на мученика. Скорее, на героя, который хочет, чтобы его смерть была как можно более эффектной. Деловой вид. Ни отрешения, ни муки на лице нет. Или Караваджо не сумел это передать?

Но мастерства у художника не отнимешь. И вновь мне понравилось, как написаны второстепенные персонажи – римские солдаты, истязавшие Павла. У них такие же грязные и заскорузлые ноги, как у старика с картины «Мадонна Лорето». Это не отталкивает зрителя, как было при жизни Караваджо (так писали современники художника). Это плоть от плоти народа. Тем более, что храм назван «Пополо» что значит «народный». И площадь, на которой он стоит, того же названия.

Санта-Прасседе. Часть столба, к которому привязали Христа, когда его бичевали. Мне не важно, настоящий столб или более позднего происхождения. Глядя на артефакт, я представляю живого, страдающего Иисуса, сына человеческого. И все, что потом последовало, вышло из уст и перьев апостолов, пророков, писателей и художников. Ради чего? Он верил, что ради людей, ради нас. И дал силу первым христианам выдержать все гонения и муки.

Кстати, тут стоял дом Святой Пракседы, которая во II веке прятала у себя христиан во время гонений. Вспоминаю остров Патмос, куда приплыл несколько лет назад, а за две тысячи лет до меня туда был сослан апостол Иоанн. Откровение, явившееся ему в пещере Апокалипсиса...

В капелле, где находится столб Христа, низкие потолки, и мозаики IX века совсем близко от наших глаз. Кусочки смальты довольно крупные, возникает эффект присутствия, сопричастности. Это завораживает. Живописный эффект такой же, как от полотен Сера и Синьяка. Возможно, они использовали этот эффект в своей живописи, а вовсе не придумали сами, как это принято считать?

Большие глаза святых и апостолов на мозаиках кажутся удивленными и просветленными. Но больше всего запомнилось восторженное выражение на мордах овец (агнцев), взирающих на врата Града Иерусалима (на крайнем правом углу арки над алтарем). Трудно удержаться от улыбки, вспоминая известную поговорку...

Санта-Пуденциана. Еще более древняя церковь и мозаики – IV век. Святая Пуденция – сестра Пракседы, обе они – дочери святого Пуда, в доме которого проходили первые богослужения римских христиан во II веке. Мозаики уникальны – на них второе пришествие Христа, апостолы, символы евангелистов. Венки над апостолами держат, как полагают историки, сестры Пракседа и Пуденция. Но в XVI веке реставраторы мозаик сильно исказили изображение и первозданность оригиналов. Тем не менее именно в таких местах чувствуешь, как история христианства оживает перед глазами.

Санта-Мария-Маджоре. Здешние мозаики V века – не так впечатляют, как в соседних маленьких церквях, потому что они довольно далеко от зрителей, и слишком мелкие по рисунку. Имею ввиду мозаики по бокам главного нефа (более тридцати композиций). А над алтарем огромная мозаика, но уже XIII века – сложная, многофигурная, более реалистичная, но у нее отсутствует наивность и условность ранних изображений. Как раз то, что более всего трогает в них.

Прочел в путеводителе, что в этой базилике есть фрески Беноццо Гоццолли и Пьеро Делла Франческа. В прошлый визит я их не заметил. Начал искать и никак не мог найти. Отчаявшись, спросил женщину – продавца в церковном магазине сувениров. Она показала вверх. Магазин находился в той самой капелле Сан-Микеле, где эти фрески. На потолке и сводах обнаружили эти произведения – вернее, то, что от них осталось – фрагменты, выцветшие, ободранные. Но все же даже в этих останках росписей чувствовалась рука и почерк великих мастеров.

Вилла Фарнезина. Это за Тибром, в районе Трастевере. Специально пришел сюда, чтобы взглянуть на знаменитые фрески. Небольшой двухэтажный палаццо, с виду простенький, вокруг высокие пинии, сад с лимонами и апельсинами. А внутри – роскошные фрески XVI века в каждом зале, на всех стенах и потолках.

В первую очередь сюда идут из-за Рафаэля, хотя его рука – только в нескольких фрагментах. Но каких! Нежные женские лики – в этом он мастак. Не слишком люблю Рафаэля (кроме исключительной «Афинской школы»), но как прелестен здесь образ Психеи, написанный им – легкость, изящество, улыбка, милота. На фоне росписей других мастеров особенно заметен иной уровень таланта.

В Зале Перспективы на стенах написаны колонны, за ними – нарисованный город, башни, дома, холмы... И поверх живописи рукой вандала процарапаны надписи углем и карандашом. Несколько неожиданно увидеть такой вандализм в солидном и охраняемом римском музее.

Вилла Джулия. Музей искусства этрусков. Давно хотел здесь побывать, да все ноги не доходили – это место на отшибе, за Виллой Боргезе, которую я осмотрел в самый первый приезд в Рим.

Этруски. Погибшая цивилизация. Мой интерес к ним проснулся после того, как повидал их саркофаги и скульптуры в Археологических музеях в Сиене и Орвието, Ареццо и Флорен-

ции. От этрусков не осталось письменности. Они растворились в другом народе – римском, переняли их язык и закон. Сохранились только материальные свидетельства, и какие! Они творили прекрасные скульптуры задолго до римлян, в одно время с греками.

На Вилле Джулия сотни замечательно расписанных амфор. В глазах рябит. Но меня более интересуют саркофаги. Один из самых лучших – муж и жена, возлежащие на крышке своего гроба, с удлинёнными, хитроумными лицами. Они словно говорят жёстами или дактилируют – руки вытянуты вперед в разных положениях. Легкая, чуть печальная улыбка на устах. Вечность. Насмешка над смертью.

Они смотрят на меня, и знают, что я уйду отсюда, а они останутся и будут взирать на зрителей и через год, и через века – все с той же бессмертной лукавой улыбкой...

ОДИНОКИЙ ТАКСИСТ ИЗ МОНТЕПУЛЬЧАНО

Из-за глухоты мне не часто случается в своих вояжах общаться с местными жителями. А если уж приходится по необходимости – то в основном знаками и простыми жестами, либо записками в минималистском стиле. Но вот в тосканских скитаниях было несколько любопытных встреч с одним человеком, после которых остается только руками развести и изречь сакральное: «Мир тесен».

Однажды, во время проживания в Сиене, я решил один из дней посвятить маленькому, но славному городку Монтепульчано. Поскольку с утра я застрял в сиенском музее Палаццо Публико, где с восторгом неопита изучал фрески Лоренцетти «Итоги доброго правления» и «Итоги злого правления», а также знаменитую «Маэсту» Дуччо, то потерял ощущение времени. И к вокзалу, откуда шли автобусы и поезда на Монтепульчано, добрался уже ко второй половине дня. Автобус решил не брать – электричка уходила раньше, да и по времени шла быстрее, судя по расписанию.

Эх, недотепа! Поезд долго тащился по тоннелям в тосканских холмах и прилично отстал от расписания. А когда я вышел на станции, оказалось, что признаков города вблизи не просматривается. Тогда я был еще новичком в здешних местах и не знал, что станция находится аж в десятке километров от самого Монтепульчано, к тому же на вершине холма высотой 605 метров над уровнем моря.

Осенний теплый день уже клонился к вечеру. Передо мной тянулась улочка из невзрачных одноэтажных домишек, в ближайшем был бар. Я воспрянул духом. В креслах у бара, прямо

на улице, раскинулось с десяток старичков, которые с интересом изучали меня. У всех на столиках стояли крохотные чашечки с эспрессо. Я пошел внутрь и тоже заказал эспрессо. Спросил барменшу – немолодую усталую женщину – есть ли автобусы в Монтепульчано. Она показала расписание – через два часа!

Тогда я попросил ее вызвать такси, показав, что сам позвонить не могу. Барменша согласилась. Я с довольным видом вышел на улицу и уселся за столиком, смакуя эспрессо рядом с аборигенами.

Прошли 10 минут, 20, полчаса. Такси не было. Я заходил в бар, обращался к хозяйке, та в ответ разводила руками. Старички ухмылялись. Может, плюнуть и уехать обратно на электричке? Наконец, к станции подкатил «Мерседес», из которого вышли водитель и двое пассажиров с багажом.

Когда отъезжавшие ушли, я выразил хозяину машины свое недоумение. Тот в ответ что-то пробормотал. А когда понял, что я не слышу, выразительно показал на себя, такси и показал указательный палец. Что бы это значило? Единственный таксист в городе? Может ли такое быть? Он развел руками.

Десять километров по извилистой дороге между холмов, каждый из которых украшала вилла или простой, но живописный домик, так захватили меня, что не раз хотелось остановить машину и выйти, чтобы сделать пару-тройку-десяток кадров. Мешало только то, что времени было в обрез. Но я говорил себе: «Обязательно сюда вернуться».

Водитель привез меня, петляя по городским улочкам, прямо к Дуомо, расположенному на высшей точке Монтепульчано. Дал визитку с номером и именем – Роберт. Высокий, рыже-волосый, загорелый, на итальянца совсем не похож. Отдал ему 15 евро и пожал руку.

Хотя у меня оставалось совсем мало времени до заката, я успел осмотреть собор, где в алтаре сияет золотом триптих Таддео ди Бартоло «Вознесение Девы Марии». Успел насладиться головокружительным видом долины с крепостных стен. Успел поснимать на камеру пламенеющие в закатных лучах тосканские холмы. И даже опрокинуть в баре бокал знаменитого «Нобиле Монтепульчано». Вот это, пожалуй, зря. Потому что когда я, счастливый и слегка пьяный от вина и впечатлений, спустился по извилистой улочке к автостанции, последние автобусы уже ушли – и на Сиену, и к железнодорожной станции. Всего семь часов вечера – и нате вам. Это тебе не Москва...

Стеклянный павильон автостанции закрывался. Худощавый мужчина моих лет с типично итальянской внешностью мыл пол (перед этим он сидел за кассой). Он с недовольным видом показал мне на дверь. Выгоняет, однако. Жестами я убедил его вызвать такси. Тот нехотя позвонил. Опять пришлось ждать. Мне было интересно, кто приедет. Неужто, кроме Роберта, в городе нет других таксистов?

Да, опять прикатил он. Значит, в самом деле, единственный и незаменимый. Странно, ведь в городе много отелей и туристов. Видать, все на своих авто... А Роберт, увидев меня, всплеснул руками и засмеялся. Отвез меня обратно, к «станции трено», проводил до расписания, поскольку у меня не было уверенности, что электрички на Сиену еще ходят. И только убедившись, что через час должен быть поезд, Роберт уехал. А я снова пошел в пристанционный бар, где под внимательными взглядами тех же старичков, продлил наслаждение местным вином...

Через два года мне удалось приехать сюда снова. На этот раз не одному, а с женой. И не на полдня, а на несколько суток, забронировав отель в сельской местности рядом с Монтепульчано. Из окон нашего номера открывался великолепный вид на городские башни и купола. Но напрямую туда было не пройти – между нами простирались виноградники и оливковые рощи, а по шоссе надо было ехать на автобусе.

Был май, все цвело. Мы облазили весь городок и окрестности, перепробовали всех «нобилей», кроме самых дорогих. Так славно было никуда не спешить и тихо бродить по крутым улочкам маленького уютного борго, заглядывая в лавчонки и бутики, пробуя местные овечьи сыры и обалденные пирожные, глаза на местных жителей, которые выходили из дверей средневековых домиков, гордо именуемых палаццо, и спешили по своим аборигенским делам...

В последний день, встав до рассвета и захватив фотокамеру, отправился ловить уникальные кадры. Ранний автобус за минуту домчал меня до подножия города, где стоял храм Мадонна Сан-Бьяджо, построенный Антонио Сангалло в 1511 году для Козимо Медичи. Теплого охристого цвета, ладный, совершенных пропорций, он высился на фоне зеленеющих долин, виноградников, дорог. Я заглянул в приоткрытую дверь – в храме шел ремонт, лениво бродили сонные работяги.

Поднимаясь вверх по заросшему кустарником склону холма, я снимал меняющиеся каждую секунду панорамы. И опять потерял чувство времени. А когда вспомнил, что жена ждет меня на чемоданах, было уже поздно. Ведь у нас был билет на автобус до Сиены, а затем надо было садиться на поезд до Пизы, откуда мы должны лететь в Москву.

Поздно, чтобы успеть в отель на автобусе. Но если поймать такси? И я, пыхтя, прибежал на автостанцию. Все тот же худощавый мужичок сидел за кассой и продавал билеты. И как два года назад, я жестами попросил вызвать такси.

На этот раз долго ждать не пришлось. Да-да, разумеется, в знакомом «Мерседесе» оказался все тот же Роберт. И – о, чудо! – он даже узнал меня. И вернуться к чемоданам и супруге я успел. А когда рассказал жене историю Роберта, она, слава те господи, улыбнулась и даже не особенно пилила меня.

За окном автобуса проносились пейзажи Тосканы. «Может быть, еще вернусь сюда, и чем черт не шутит, вновь придется вызывать Роберта», – думалось мне...

НЕАПОЛИТАНСКИЙ ДНЕВНИК

Южная Италия попала в мой маршрут впервые только в 2015 году. Сколько раз до этого скитался по Италии, но все это были северные и центральные области, а визит на Юг по разным причинам откладывал. И вот, наконец собрался. Воскрешаю моменты неаполитанских каникул по моему дневнику, который вел во время этого путешествия.

ПАРТЕНОПЕЯ

Наконец-то прибыл в Неаполь. Поезд идет сюда от Рима чуть меньше двух часов. Это на электричке. Можно доехать за час на скором «Фречароссо», но платить в два раза больше, а мы теперь экономим на всем. Овес, то есть евро, нонче дорог...

Как в Риме, так и в Неаполе выбрал отель поближе к вокзалу. И конечно, побюджетнее. Устроившись в номере, отправился пешком к центру города.

Старинное греческое поселение, названное Партенопеей в VII веке до н.э. в честь сирены моря Партенопы. По легенде, нимфа с подругами пыталась соблазнить Одиссея, и когда это не удалось, покончила с собой. Потом, когда появился Рим, местные жители заключили с ними союз, город назвали Неаполисом.

Сколько хозяев менялось у города... Лакомый кусочек! Римляне, византийцы, готы, норманны, испанцы, французы, пока наконец, не появились итальянцы... А Партенопей воскресла в 1799 году – так повстанцы, сбросившие короля Фердинанда Первого из династии Бурбонов, назвали республику в результате революции. Но через полгода республика пала, и нимфа снова стала далеким мифом...

Увы, по первому впечатлению, мои худшие ожидания оправдались. Грязный, беспорядочный, хаотичный город. Везде носятся мотоциклы и скутеры, даже по пешеходным улицам. Множество лотков с разными товарами на улицах, мусор вокруг них. Толпы африканских беженцев. Правда, это в основном поблизости от вокзала.

Честно говоря, ехал в Неаполь, готовый к этой картине – начитался. Однако моей главной целью был не столько сам город, сколько соблазны вокруг него – Помпеи, Пестум, Капри, Амальфи, Равелло. Но раз уж оказался в Неаполисе, как не посмотреть самое лучшее? К счастью, в центре города впечатление не такое плохое – видно, что власти стараются сделать город привлекательным для туристов. Музеи – чуть ли не в каждом храме. И везде платить надо.

Спаннакаполи – центральная ось, разрезающая Неаполь надвое, и на этой оси самые интересные храмы, кафе и пиццерии, самая оживленная жизнь. Но лучшие виды на город – из замка Сан-Эльмо. Правда вид на мегаполис не вдохновляет, но подкова Неаполитанского залива, Везувий и горные отроги за ним, силуэты Капри и Искьи по-прежнему хороши.

Чудесная улочка Сан-Грегорио-Армено. Точнее – узенький переулок, к тому же по бокам теснятся сувенирные прилавки со знаменитыми вертепами. Каких только фигурок и композиций тут не увидишь! Вот средневековый замок с рыцарями и принцессами. Вот домик с лавкой мясника, сам хозяин перед входом рубит мясо, в дверях видна его супруга со сковородкой, вокруг застыли в выразительных позах их ребятишки и покупатели. Куклы разных размеров, от миниатюрных – до размером в локоть. Удивительное мастерство резчиков по дереву. Так и хочется какую-то фигурку купить на память. Но останавливает мысль, что дома некуда поставить.

Храм с тем же названием, что и улочка – Сан-Грегорио-Армено. Основан греческими монахинями, бежавшими от преследований христиан и захватившими с собой свои святыни – мощи первого католика армян Григория Просветителя. Вход сложно заметить в тесноте домов, а внутри храм оказывается внушительных размеров.

Рядом – Сан-Лоренцо-Маджоре. Огромный францисканский собор XII века. Высокие голые своды, скупое убранство. В боковых капеллах остатки фресок учеников Джотто. Сам он работал в Неаполе, но фрески, написанные им лично, здесь не сохранились. Храм связан с именем Бокаччо, именно здесь он встретил свою возлюбленную Фьяметту. Много средневековой скульптуры. А вот интересное надгробие супругов, в ногах у них лежат две собачки. Кого они мне напомнили? Да-да, надгробие юной Иларии Каретты в Лукке, правда, у нее в ногах одинокий пес...

Капелла Сан-Северо. Потрясающая шкатулка с шедеврами скульптуры. И это всего один небольшой зал. Христос под покрывалом – это нечто. Такое виртуозное мастерство – из мрамора высечь тончайшую кисею, покрывающую тело. Полная иллюзия, что кисея прозрачная. Кажется, она колыхнется от сквозняка. 15 произведений разных скульпторов, у всех почти одинаковые даты – 1752—53 годы. Хороша и статуя Целомудрия – прекрасная дева, накидка на которой не скрывает чувственное тело.

Археологический музей. Один из обязательных пунктов в моей программе. Огромный палаццо с высокими потолками, просторные залы. Сплошные античные шедевры скульптуры. Основа – коллекция кардинала Фарнезе. И скульптуры размерами тоже под стать палаццо. Чего стоит один Фарнезский бык. Сложнейшая композиция из 6 фигур. Я сначала поразился – как хорошо сохранилось за 25 сотен лет! Но рядом увидел схему реставрации скульптуры – многих фрагментов не сохранилось – сами реставраторы восстанавливали недостающее. Автор реставрации – Гульельмо делла Порта (XVI век). Родственник, однако. Пусть и не мой, а жены, пусть и условное родство, а все равно приятно...

Великолепен классический Геркулес. И воин, несущий убитого мальчика (II век нашей эры).

В помпейских залах главный интерес для меня – фрески со стен домов, раскопанных в погибшем от извержения Везувия городе. Надо же, как хорошо сохранились, и каков был уровень живописи в I веке. Большинство фресок размыты и несовершенны, но некоторые вполне сопоставимы с мастерством художников любых времен.

ПОМПЕИ – НЕАПОЛЬ

С утра на электричке – в Помпеи. Всего 30 минут – и я у входа. Причем не пришлось тратиться ни на поезд, ни на вход в музей. Заранее проштудировал в инете и в первый неаполитанский день купил карту Кампания-Артекард за 32 евро. Она дает право бесплатного проезда на любом транспорте в Неаполе и окрестностях, а также билеты в три любых музея, остальные со скидкой. 11 евро за вход в Помпеи плюс электричка 8 евро – и более половины расходов на карту уже оправданы.

Сильнейший драйв от Помпейских развалин. Вернее, от того города, который здесь реален и осязаем. Помогли воображению те фрески и мозаики, что видел накануне в археологическом музее. Подробная карта города на входе. Базилика в самом начале. Несколько колонн – и домысливай остальное. Дом фавна. Большой театр. Но самое главное – Вилла Мистерий. Она далеко в стороне и сюда почти никто из туристов, толпящихся в центре, не доходит. Бродишь в закоулках комнат, внезапно открывая еще одну роспись на стенах. Очевидно, это копии, но впечатление от них не менее сильное.

Кустики желтых цветов вдоль дороги с Виллы Мистерий. Ноябрь, а на юге Италии лето, мне жарко в рубашке, солнце печет, на небе редкие облака.

Полдня – и мне пора обратно. По плану, остальные полдня планировал посвятить художественному музею Каподимонте. Он на холме, куда долго ползет переполненный автобус. С холма Неаполь как на ладони – колокольни храмов, уродливые современные здания, море, порт, Везувий на горизонте. Когда-то Гете называл виды в Неаполе лучшими в мире, а теперь – увы...

Музей Каподимонте. Море живописных шедевров. Конечно, Караваджо, хоть и всего один холст, зато какой! «Бичевание Христа». Какое мастерство и световые эффекты... Вновь обратил внимание на типы людей, взятых художником из народной жизни – у злодеев, измывающихся над Христом, прокопченные, изможденные лица и руки.

Но мне кажутся ближе полутона и мягкость Пинтуриккио, чья работа «Вознесение мадонны» через несколько залов отсюда. Большое полотно как бы разделено на две части. Верхняя – Мария в окружении ангелов, на нижней – апостолы с отроком, глядящим на зрителя. Этот отрок – пожалуй, лучшее в картине. Похоже, это одна из последних работ глухого художника, написана в 1508 году (он скончался через год). Не самая лучшая, но в ней есть его фирменная отрешенность от всего земного, просветленность, надмирность – и на лице отрока, и у Марии. И неперенные пейзажи на заднем плане – как я люблю эти исчезающие в дали синеватые переливы холмов и замков...

Две работы Джованни Беллини, одна из них очень значительная – «Преображение», и здесь меня снова восхищает не только философская композиция в целом, но и холмистые пейзажи за спиной Христа.

Много картин Тициана, притягивает его «Даная», очень похожая на аналог в Эрмитаже – поза женщины и лицо почти одинаковы, только справа от Данаи, вместо питерской старушки, льющей золотой дождь в свой передник, тут присутствует пухлый Амур, собирающийся удрать прочь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.